

НЕИСПОЛЬЗОВАННЫЕ МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ИСТОРИИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XVIII ВЕКА

П. Н. Берков

I. АНОНИМНАЯ СТАТЬЯ ЛОМОНОСОВА (1755)

В истории русской литературы и журналистики журнал «Ежемесячные сочинения», издававшийся Академией Наук с 1755 по 1764 гг., занимает видное место. Однако после работ В. А. Милютина (Современник, 1851) и П. П. Пекарского (1867), охарактеризовавших, с одной стороны, содержание журнала и его отношение к иностранным источникам и, с другой, его внешнюю историю, «Ежемесячные сочинения» внимания исследователей не привлекали, и этот важный для науки материал до сих пор остается разработанным лишь с точки зрения историков литературы и журналистики середины прошлого века. А эти исследователи, подходившие к литературной продукции XVIII в. с предвзятым взглядом, будто она имеет исключительно абстрактный, лишенный злободневности характер, — именно в силу этого не видели очевидных фактов — полемики, и довольно оживленной, развернувшейся на страницах журнала уже в первый год его издания. Poleмика эта носила по внешности исключительно теоретический характер, но на деле представляла столкновение двух явно противостоявших друг другу группировок внутри дворянского лагеря: крупно-дворянского, придворно-аристократического, с одной стороны, и средне-дворянского, с другой. Выразителем взглядов первой группировки был Ломоносов, от лида второй выступили И. П. Елагин и Г. Н. Тецлов; глава их кружка, А. П. Сумароков, предпочел почему-то не поднимать брошенной ему перчатки.

В начале 1750-х годов ранее дружественные отношения между Ломоносовым и Сумароковым и его «школой» нарушились. Появляется ряд пародий на пьесы Ломоносова (Елагин) и Сума-

рокова (Барков), затем длинная серия эпиграмм с обеих сторон. Наконец, в 1753 г. разгорается крупная стихотворная перебранка, затеянная Елагиным, поддержанная Ломоносовым и втянувшая затем целый ряд — почти всех — тогдашних писателей.¹

Повидимому, под влиянием этой перебранки у Ломоносова возникла мысль об иных способах ведения полемики.

В самом начале 1754 г. Ломоносов в письме к И. И. Шувалову высказывает мысль об издании Академией Наук «периодического сочинения». Сообщая своему корреспонденту, что просимые последним «Примечания на ведомости» за прошлые годы² трудно сыскать, он прибавляет: «Весьма бы полезно и славно было нашему отечеству, когда бы в Академии начались подобные сим периодические сочинения: только не на таких бумажках по одному листу; но повсямесьячно, или по всякую четверть или треть года, дабы одна или две-три материи (т. е. статьи) содержались в книжке, и в меньшем формате, чему много имеем примеров в Европе, а из которых лутчим последовать, или бы свой применяясь выбрать можно».³

Едва ли подлежит сомнению, что эта идея Ломоносова находилась в зависимости от указанных выше его литературных столкновений и борьбы с кружком Сумарокова. Полемика эта велась в письменном виде и поэтому имела сравнительно ограниченный круг читателей; вместе с тем, она в силу своего рукописного характера отличалась резкостью, грубостью, аргументацией *ad hominem*. Момент личный заслонял ее общественную значимость. Ломоносов с его культом общественного служения («Для пользы общества коль радостно трудиться!») не мог не видеть отрицательных сторон рукописной полемики и преимуществ печатной. Написанная в том же 1754 г. статья «О должности журналистов»⁴ показывает, как высоко ценил Ломоносов печатное слово и как восставал он против того, что ему казалось зло-

¹ Афанасьев, А. Н. Образцы литературной полемики прошлого столетия. Библиографические записки, 1859, № 15 и 17; перепечатано в «Русской поэзии» С. А. Венгерова, т. I, стр. 712—724.

² «Исторические, генеалогические и географические примечания в ведомостях» и «Примечания на ведомости» издавались Академией Наук с 1728 г. помесечно, а с 1729 г. по 1742 г. еженедельно.

³ Билярский, П. С. Материалы для биографии Ломоносова, СПб., 1865, стр. 250.

⁴ Куник, А. А. Сборник материалов для истории Академии Наук в XVIII в., СПб., 1865, ч. II, стр. 501—530.

употреблением печатным словом. Предлагая Шувалову основать в России «периодическое сочинение», Ломоносов, очевидно, имел в виду создать также орган, в котором, взамен обычных тогда рукописных форм полемики, тем же вопросам можно было бы придать серьезный характер и более общий интерес.

В результате предложения Ломоносова с января 1755 г. стал выходить под редакцией акад. Г. Ф. Миллера первый литературно-научный журнал «Ежемесячные сочинения». В «Предуведомлении» хорошо осведомленный о состоянии тогдашней русской литературы и о расслоенности писательских рядов редактор писал: «Для сохранения благопристойности и для отвращения всяких противных следствий вноситься не будут сюда никакие явные споры или чувствительные возражения на сочинения других, ниже иное что с обидою написанное против кого бы то ни было.¹ Обращаясь специально к «стихотворцам» с просьбой о присылке их трудов, Миллер писал: «Надеемся, что сочинители оных ни до кого персонально касаться не будут. Чего ради просим всех тех, которые присылать нам станут свои труды, не отступать от сего нашего намерения».² Впрочем, редактор сознавал, что «паче чаяния» кое-какой материал подобного рода все же может проскользнуть, «ибо всего, — мотивировал Миллер, — предвидеть невозможно».³

И в самом деле, в первый же год издания «Ежемесячных сочинений» на страницах академического журнала нашла место полемика, достаточно резкая, но сравнительно тонко завуалированная.

В майской книжке «Ежемесячных сочинений» за 1755 г. было напечатано анонимное «О качествах стихотворца рассуждение» (стр. 371—398). После общих характеристик «худых и добрых писателей» автор пишет следующее: «В российском народе между похвальными ко многим наукам склонностями перед недавними годами оказалась склонность к стихотворству; и многие, имеющие природное дарование, с похвалою в том и преуспевают. Те, которые праведно на себя имя стихотворцев приемлют, ведают, каковой важности она есть наука. Другие, напротив того, написав несколько невежливых рифм или нескладных песен, мечтают, что вся она не дале простирается, как их знание постигло» (стр. 374). Отсюда задача рассуждения — показать,

¹ Ежемесячные сочинения, 1755, генварь, стр. 6.

² Там же, стр. 7.

³ Там же.

«сколь трудна наука стихотворческая, и сколь велико знание во всем тому человеку иметь надлежит, который стихотворцем быть хочет» (там же), если к тому же он от природы имеет поэтическое дарование («огонь стихотворческой»).

Не останавливаясь подробно на этой части «рассуждения», следует подчеркнуть, что анонимный автор все время имеет в виду тех поэтов, которые пишут «мадригалы и песни любовные» (стр. 378, 379, 380), сочиняют «сатиры, эпиграммы и любовные песни» (стр. 381) или «без науки и в худых рифмах» производят «малинькие песни или стансы» (стр. 391). Под всеми этими поэтами совершенно явственно разумеются Сумароков, Елагин, Сви-стунов, Бекетов и вообще дворянские поэты, культивировавшие в сороковые и пятидесятые годы XVIII в. «камерные» жанры.

Но помимо этих суммарных нападок, «рассуждение» содержит еще более прозрачные намеки на Сумарокова (см. особенно стр. 378—381). Там, например, в несомненной связи с известным стремлением Сумарокова добиться звания члена Лейпцигского литературного общества, которое и выхлопотал ему через Готшеда в 1756 г. историограф Миллер,¹ находится следующее место «рассуждения», где изображаемый в комическом виде автор любовных песенок говорит: «Я читал при том и Геллерта и Готшейда (!) на немецком, великие то люди в Лейбцигском немецком собрании» (Ежем. соч., 1755, май, стр. 381).

Одно место направлено, повидимому, непосредственно против И. П. Елагина. В своей «Сатире на петиметра и кокеток» Елагин, обращаясь к Сумарокову, который, по его словам, сочиняет стихи без всяких затруднений, писал, между прочим, следующее:

А я? о горька часть! о тщетная утеха!
 Потею и тружусь, но все то без успеха,
 По горнице раз сто пробегши, рвусь, грущу,
 А рифмы годныя нигде я не сыщу;
 Тогда орудие писателей невинно —
 Несчастное перо с сердец грызу безвинно.
 Нельзя мне показать в беседу было глаз!
 Когда б меня петиметр увидел в оный час,
 Увидел бы, как я по горнице верчуся,
 Засыпан табаком, вздыхаю и сержуся,—
 Что может петиметр смешней сего сыскать...²

¹ Пекарский, Ист. Акад. Наук, т. I, стр. 369.

² Библиографические записки, 1859, № 15, стр. 431—432.

В «Рассуждении о качествах стихотворца» есть место, которое производит впечатление ответа на только что процитированные стихи Елагина:

«Удивительные иногда качества на себя приемлет, ежели смею сказать, таковой мнимый Автор. Он старается в людях себя казать неумытым лицом и нечесанною головою, дая чрез то знать, что всегда дома сидит над горшком чернил и стопкою бумаги. Кому де меня зазреть? Сие оставляю, говорит, людям досужным, а нам сидя с мертвыми друзьями неколи о том помышлять».¹

Помимо указанных мест, в «рассуждении» рассыпано не мало намеков, иногда более, иногда менее понятных.

Переходя к положительной части «рассуждения», должно отметить, что автор его требует от лиц, занимающихся литературой, серьезных, основательных сведений во «всех словесных и всех свободных науках» (стр. 382); он подчеркивает, что «знание грамматики и церковных славенских книг чтение весьма потребны к доброму слогу и правописанию» (стр. 383). Далее подробно перечисляются науки и языки, изучение которых, по мнению автора «рассуждения», является предварительным условием выработки настоящего писателя. «Правила одни стихотворческой науки не делают стихотворца, но мысль его рождается как от глубокой эрудиции, так и от присовокупленного к ней высокого духа и огня природного стихотворческого» (стр. 398). Требуя от стихотворца, чтобы тот писал «учительные (дидактические) поэмы» (стр. 390), «что-либо учительное» (стр. 397), автор кончает свое «рассуждение» цитатой из Цицерона: «В безделицах и стихотворца не вижу, в обществе гражданина видеть его хочу, перстом измеряющего людские пороки» (стр. 398).

Таким образом, в анонимном рассуждении легкой дворянской поэзии была противопоставлена серьезная программа литературы как гражданского служения. Естественно, что дворянский лагерь не мог остаться спокоен. В июльской книжке «Ежемесячных сочинений» было напечатано — также анонимное — «Рассуждение о начале стихотворства». Автор проводит мысль, что красноречие самое важное из всех средств, «которое действовать может в сердцах человеческих более, нежели какое-либо иное действие». (Ежем. соч., июль, стр. 4). Красноречивые люди, по мнению автора, «своим языком и речью или тиранов умяг-

¹ Ежемесячные сочинения, 1755, ч. I, стр. 392.

чали, или к войне и бою общество побуждали, или страсти утешали других, или возбуждали речью огонь любовный и преклоняли твердые и окаменелые иногда сердца любовниц своих» (там же). Таким образом, красноречие положило начало поэзии, первой и наиболее естественной формой которой является песня, и именно любовная песня. «Почитать надлежит страсть любовную больше вкорененну в род человеческий, нежели многие другие страсти... Она родила любовные мысли, она произвела любовные речи, которые, когда соединялись с голосным пением, произвели падение слов, и для лучшей приметы кончающегося разума, или паче музыкального тону, рифмы» (там же, стр. 11). Признавая дальнейшее развитие поэзии в сторону дидактики, автор «рассуждения» все же отдает предпочтение не этим искусственным формам, а естественным, т. е. песням. «Сие мнится быть происхождение от начала стихотворства в натуре своей, которое после обратилоя в великую важность между учеными людьми» (стр. 14). Таким образом, «Рассуждение о начале стихотворства» представляло собой апологию дворянской «песенной» поэзии и, не выступая открыто против дидактической поэзии, стремилось представить ее как продукт цеховой учености, имеющий сравнительно узкий интерес.

Если это возражение автору рассуждения «о качествах стихотворца» строилось на теоретической почве, то совсем иной характер имела длинная статья И. П. Елагина, носившая название: «Автор». В примечании к «первому листу» (Ежемес. соч., 1755, июль, стр. 83) указывалось, что данная статья представляет свободный перевод из «Лейпцигских увеселений разума». В самом деле, в издававшихся в 1741—1744 гг. в Лейпциге «Belustigungen des Verstandes und des Witzes» в августовской—декабрьской книжках за 1743 г. была помещена анонимная статья «Der Autor». Сравнение оригинала с переводом показывает, что обработка Елагиным делалась применительно к русским условиям.

Особенный интерес представляет «первый лист» «Автора», напечатанный, очевидно, под свежим впечатлением «Рассуждения о качествах стихотворца». Ряд намеков, заключающихся в этой статье, легко раскрывается и позволяет заключить, что Елагину было известно, кто является автором анонимного рассуждения, направленного против дворянской поэзии вообще и против Сумарокова и самого Елагина в частности.

Намеки эти частью вплетены в основную ткань статьи, представляющей как бы непринужденную болтовню «автора», человека, стремящегося прослыть ученым, не имея на то никаких данных, частью заключаются в немецком тексте, но на русской почве приобретают особый смысл. «Автор» признается, что книг не читает, а лишь просматривает «реэстры книгам». «Сим образом, — продолжает он, — стал я прямым ученым человеком, который ни к чему не прилежал, но во всех науках автором быть может. Из философии знаю я математической способ учения, противуречия, действующую причину, монады, согласие, лучей свет и другие сим подобные слова, которыми я при случае боле наделаю шуму, нежели полицейские барабаны во время пожара. Невтону даю перед Лейбницом преимущество, не для того, чтоб я их читал, но только для того, что я более люблю англичан, нежели немцов. Все, что я пишу, имеет нечто высокое, достойное меня, а труда мне неприключающее» (стр. 90—91). «Невтон» приводит на память стихи Ломоносова о «собственных Платонах и быстрых разумом Невтонах». В другом месте «автор» говорит, что сам он стихов не пишет, но просит «стихотворцов, чтоб они не иное что, как хорошие родильные, свадебные, именинные и погребальные кармины... присылали. Ибо сии суть прямые случаи, при которых стихотворство имеет свое достоинство... Ныне не видим почти хорошей поэзии, ниже существа ее, ибо стихотворцы упражняются в других родах стихов, а не в тех, которые упомянуты мною» (стр. 93).

Любопытный выпад против требования от стихотворца знания грамматики: «Грамматические ошибки хотя я и делаю, но они потому приметны быть не могут, что я о всех протчих писателях, а особливо стихотворцах, кричу, что они грамматики не знают» (стр. 93—94). В немецком тексте это место отсутствует.

В «третьем листе» (сентябрь, стр. 272—284) есть характеристики трех «приятелей» «автора»: Франгизиуса Тенеброзуса, Остроумова и Постоянникова. В первом, очевидно, выведен Тредьяковский, во втором Ломоносов, в третьем трудно угадать какое-либо определенное лицо, настолько общи приводимые о нем данные.

Не касаясь подробно этих характеристик, следует отметить, что в портрете Остроумова есть вставки, представляющие прямые выпады против Ломоносова «Немецких стихотворцев, так как и я, (он) весьма не любит и гнушается теми, которые печально

отяготят его слух напоминанием Опица, Галлера, Гинтера и прочих» (стр. 279). Этот намек перекликается с известными стихами против Ломоносова, в которых его обвиняют в том, что он

... Гинтера и многих обокрал
И, мысли их писав, народ наш удивлял.¹

Не останавливаясь более подробно ни на этой характеристике (следует отметить, что в ней подчеркивается агеизм Остроумова — Ломоносова), ни вообще на елагинском «Авторе», можно этим заключить изложение материалов о полемике 1755 г.

Анализ статьи Елагина показал, что большая часть его намеков и выпадов была направлена против Ломоносова. Это дает основание считать последнего автором рассуждения о качествах стихотворца. Действительно, и по стилю, и по целому ряду мыслей, — о грамматике, о пользе чтения церковных книг, о роли литературы и т. д., — «рассуждение» примыкает к произведениям Ломоносова. Вполне совпадают с его позицией нападки против «любвных песен». Так, в одной из своих заметок он обвинял Сумарокова в том, что тот «сочинял любовные песни и тем весьма счастлив: для того, что вся молодежь, то есть пажи, коллежские юнкера, кадеты и гвардии капралы так ему последуют, что он перед многими из них сам на ученика их походит».² Таких отзывов о «любвных песнях» у Ломоносова несколько.

Но если допустить на некоторое время, что автором «Рассуждения о качествах стихотворца» был не Ломоносов, то, во всяком случае, это должен быть кто-либо из его группы. При немногочисленности тогдашних писателей можно указать, кроме Ломоносова, только одно еще лицо, которому могло принадлежать рассуждение, — это Поповский, но против последнего говорит не только «слог» рассуждения» (ср. в августовской книжке «Ежем. соч.» 1755 г. вступительную лекцию Поповского), но и то, что автор «рассуждения», цитируя несколько раз *De arte poetica* Горация и приводя параллельно русский текст в переводе Поповского, в одном случае (стр. 388—389), как раз там, где у Поповского перевод далек от подлинника, дает прозаический и более точный перевод, обнаруживающий в цитирующем

¹ Библиогр. зап., 1859, № 15, стр. 456.

² Летописи русск. литературы и древности, изд. Н. Тихомировым, М., 1859, ч. II, стр. 106.

более углубленное и тонкое знание римского поэта. Таким образом, опять приходится возвратиться к тому, что было сказано выше: автором «Рассуждения о качествах стихотворца» мог быть только Ломоносов.

Наконец, принадлежность статьи Ломоносову подтверждается еще следующим обстоятельством. Анонимный автор говорит в одном месте о том, что писателю необходимо иметь серьезную подготовку, подобно ученому. Эту мысль он подтверждает примером:

«Представим себе человека острого разума, памяти и проницательства; дадим ему склонность натуральную, чтобы он паче всех других наук любил физику, в ней свою забаву и упражнение находил. Но когда он не изучен потребных к тому оснований, а именно: не искусен в Математике, в Химии, в истории натуральной, не знает правил Механических, Гидравлических и проч., то каким образом поступать он может в исследовании природы, то есть свойства и соединения тел, в исчислении меры и веса, тягости и упругости воздуха и всех твердых и жидких тел, а из того заключать силы и действия Элементов одного на другой, перемены их и прочие бываемые от них же явления? Другой желает быть медиком, не зная совершенно Анатомии, Ботаники, Фармацевтики и проч., как может врачевать болящего, различать травы и составлять лекарства? Или желал бы кто в числе Астрономов себя видеть, а не имел понятия о Плоской и Сферической Навигации, не искусен бы был в Оптике и не ведущий Генеральных понятий о физике; всеконечно никакой помощи иметь он не может от одних Телескопов, ниже делать Астрономические наблюдения, тем меньше рассуждать об удаленных от нашего зрения небесных телах. Ни Физик, ни Медик, ни Астроном именем сим назваться сами не похотят, хотя бы они и прямые любители сих наук были».¹

Едва ли нужно говорить, что подобные знания в области точных и естественных наук в те годы могли быть из всех русских писателей у одного только Ломоносова, и что только он один мог пользоваться такой точной и четкой научной терминологией. Кстати, с фразой, приведенной в начале цитаты — «в Физике... свою забаву и упражнение находил», — перекликается пример, приводимый Ломоносовым в его «Грамматике Российской» (1755).

¹ Ежемесячные сочинения, 1755, ч. I, стр. 377—378.

«Стихотворство моя утеха; Физика мои упражнения».¹

Если признать авторство Ломоносова, тогда окажется, что полемика не закончилась на страницах «Ежемесячных сочинений» 1755 г. В 1757 г. вышел первый том «Собрания разных сочинений» Ломоносова; в качестве предисловия тут было помещено рассуждение «О пользе книг церковных в российском языке». При кажущейся своей «академичности» рассуждение это было остро-полюемично и злободневно; в нем Ломоносов окончательно формулировал свои взгляды на дворянскую литературу: к низкому штилю он отнес «комедии, увеселительные эпиграммы, песни; в прозе дружеские письма, описание обыкновенных дел», словом, все то, что культивировали дворянские поэты 1740—1750 гг.

В заключение — об одном оппоненте Ломоносова.

Автором «рассуждения о начале стихотворства» был Г. Н. Теплов, ассессор Академии Наук, друг Елагина, музыкант, положивший на музыку песни Сумарокова, Елагина и др. дворянских поэтов.

Принадлежность статьи о начале поэзии перу Теплова подтверждается протоколом конференции Академии Наук от 5 июля 1755 г.: «*A Consiliario Teplowio missa in Conventum dissertatio de origine poeseos, praelecta est et digna judicata, quae Observationibus menstruis inseratur*» (Присланное советником Тепловым в Конференцию рассуждение о начале поэзии прочтено и признано достойным включения в Ежемесячные сочинения).²

О КАЧЕСТВАХ СТИХОТВОРЦА РАССУЖДЕНИЕ

В словесных науках упражняющимся довольно известно, что с упадком Римской империи науки претерпели немалый урон, и почти со всем было истребились чрез нашествие Варваров

¹ Сочинения, изд. Академии Наук, СПб., 1898, т. IV, стр. 194.

² Протоколы заседаний конференции Академии Наук с 1725 по 1803 гг., т. II, стр. 331. О Теплове как музыканте: Булич, С. К. «Прадедушка» русского романа. («Музыкальный современник», 1916, № 1 (сентябрь), стр. 11—16); Римский-Корсаков, А. Н. Г. Н. Теплов и его музыкальный сборник «Между делом безделье» (Первый русский песенник XVIII в.). (Сб. «Музыка и музыкальный быт старой России». Л., 1927, стр. 30—57); Финдейзен, Ник. Очерки по истории музыки в России с древнейших времен до конца XVIII века, М., 1929, вып. VI, стр. 282—287; Юферов, Д. Н. Музыкальная и нотно-издательская деятельность Академии Наук и ее типографий в XVIII в. (Вестник А. Н., 1934, № 4, стр. 41—42).

в Европу. Но когда наки пришли прошлыми немногими веками в цветущее состояние, то настоящее время заставляет опасаться, чтоб число умножившихся ныне в свете Авторам не завело в таковую же темноту разум человеческий, в каковой он находился от недостатку писателей разумных. Опасность сия отвергается одним тем только способом, когда помогать нам будут особливые писатели, которые различать станут добрых Авторам от худых, и покажут путь к забвению одних, а к припоминанию других. Нужда такового разбору видима теми наипаче, которые знают, каковой важности есть прямое руководство в науках и чтении многих книг, во время столь краткое жития нашего, которое нам бог на сем свете быть определил. Разбор писателей есть наилучший и безопаснейший способ быть ученым человеком, и он потребен для всякой особно в свете науки и для всякого склонность имеющего человека к наукам. Сие самое есть светилом в чтении и предводителем к снисканию кратчайшего пути как обрести то, чего в книгах ищем. Но прежде нежели мы можем сами собою доброту Авторам разобрать, прежде нежели дойдем до таковой способности, жизнь наша проходит, и тогда в состоянии починаем себя видеть способными прямо учиться, когда на конце оныя уже стоим. Разум наш открывается после многого иногда заблуждения, ежели не имеет прежде доброго руководителя, и люди отворяют глаза, когда ночь уже приближилася, то есть зрелость оного при конце жития нашего. Дополним еще к тому, что и различные нужды житейские и болезни укорочают не мало времени, в которое могли бы мы научиться, как писателей добрых от худых отличать. Кто как бы доброго намерения ни был, кто бы как ни прилежен к наукам был, нещастие он может то иметь над собою, что после многого в школах обучения, после многого чтения книг, ежели придет в зрелой разум, и станет писателей разбирать, увидит, что все то, что он ни выучил, не делает его еще ученейшим перед тем состоянием, как он разбирая Авторам учиться начал прямо. Часто видим сноснее быть в беседе с неученым, по природе разумным, нежели с ученым, который мнит только быть себя таковым, и которого прямо назвать можно ученым невежею. Да и самого первого степени люди ученые, которые не мало труда приложили, и почти, так сказать, кровавый пот пролили, или состарились над книгами, когда узнают себя, что они достигли уже до того, что различать могут писателей и не всему верят,

что кто смело и дерзновенно пишет выдавая себя за человека ученого: то при окончании своих наук безмерно сожалеют, что они при начале оных и при начале чтения книг не познали истинного пути, по которому разум и труд свой повести. Они признаются, что протекая долгой век, поздно ужé открыли многие стези, которые бы их избавили дальнего пути. Каковое бы тогда для рода человеческого было просвещение ежели бы с самого вступления в чтение книг могли мы понимать доброту всякого Автора и оуждать его недостойнство или иногда и истовое незнание? К сему потребны люди престарелые и верховного самого степени учительные, которые бы при издании всякой в свет книги во всяком роде судили писателя: Но где таковых свет покажет!

В Российском народе между похвальными ко многим наукам склонностями перед недавними годами оказалась склонность к стихотворству; и многие имеющие природное дарование с похвалою в том и преусевают. Те которые праведно на себя имя стихотворцев приемлют, ведают, каковой важности оная е́сть наука. Другие напротив того, написав несколько невежливых рифм или нескладных песен, мечтают, что вся оная не дале простирается, как их знание постигло. Таковое неправое мнение, от единого самолюбия происходящее, подало случай предложить рассуждение о том, сколь трудна наука стихотворческая, и сколь велико знание во всем тому человеку иметь надлежит, который стихотворцем быть хочет, а при том дарование от бога особое к изобретению новых мыслей и быстроту разума природную; то самое, что стихотворцы называют *огонь стихотворческий*.

Во времена Августовы первый был Гораций, который по следуя Аристотелю правила лучшие написал Римлянам к стихотворству. Квинтилиан пишет, что тогда стихотворство так был в моде и употреблении, что и сам Август Цесарь писал стихи и от того времени не токмо знатные у двора, но и Императорь Римские некоторого в том будто бы любочестия искали. «Богам де не довольно еще показалось, говорит он,¹ что Консула Германияка зделали славнейшим своего времени стихотворцем, ежели не зделали еще его обладателем света». Виргилий² пишет, что Азиниус Поллио Консул презрядные делал стихи. Юлий Цесарь сочинял трагедии. Лелий Сципион, Фурий, Сулпидий, будучи

¹ Квинтилиан, кн. 10, гл. I.

² Виргилий, эклога 3.

знатные в республике люди, с Терентием тайно трудились в сочинении комедий. Но сие еще не умножает чести стихотворству, ежели бы оно само по себе почтения было недостойно. Сие и подлинно, что стихотворство должно почитаемо было за самую труднейшую науку между многими другими. Многих наук совершенство имеет свои пределы, но стихотворство иметь их не может. Что бы быть совершенным стихотворцем, надобно обо всех науках иметь довольно понятие, а во многих совершенное знание и искусство. Не довольно того, что стихотворец усладить желает, когда он ничего научить не может.

Гораций говорит:¹

Пииты научить иль усладить желают,
Иль вместе все сие они соединяют;
Но обще будет всем сие в Пиите правно,
Когда напишет он полезно и забавно.

Стихотворцы всегда за премудрых и ученых людей в Философии почитались как в самой древности, так и в новых веках, по чему тот же Гораций, исчисляя подробно, сколько стихотворец в Философии быть должен искусен, заключает:²

Сия была тому причина не сумненно,
Что имя зделалось Пиит у всех почтенно.

Следовательно, все науки, говорит Цицерон,³ столь тесное имеют между собою взаимство и соединение, что по справедливости за одну и неразделимую фамилию их почитать надлежит. Примечание сего великого человека поверяется опытом очевидным. Представим себе человека острого разума, памяти и проицательства; дадим ему склонность натуральную, чтоб он паче сех других наук любил Физику, в ней свою забаву и упражнение находил. Но когда он не изучен потребных к тому оснований, а именно: не искусен в Математике, в Химии, в истории

¹ Aut prodesse volunt aut delectare poetae:
Aut simul et iucunda et idonea dicere vitae.
Omne tulit punctum, qui miscuit utile dulci,
Lectorem delectando, pariterque monendo.

De arte poet., v. 333, 343.

² Sic honor et nomen divinis vatibus atque
Carminibus venit. v. 400

³ Цицер. за Архию стихотворца, в речи.

натуральной, не знает правил Механических, Гидравлических и проч., то каким образом поступать он может в исследовании природы, то есть свойства и соединения тел, в исчислении меры и веса, тягости и упругости воздуха и всех твердых и жидких тел, а из того заключать силы и действия Элементов одного на другой, перемены их и прочие бываемые от них же явления? Другой желает быть медиком не зная совершенно Анатомии, Ботаники, Фармацевтики и проч.: как может врачевать болящего, различать травы и составлять лекарства? Или желал бы кто в числе Астрономов себя видеть, а не имел понятия о Плоской и Сферической Навигации, не искусен бы был в Оптике и не ведущий генеральных понятий о Физике; всеконечно никакой помочи иметь он не может от одних Телескопов, ниже делать Астрономические наблюдения, тем меньше рассуждать об удаленных от нашего зрения небесных телах. Ни Физик, ни Медик, ни Астроном именем сим назваться сами не похотят, хотя бы они и прямые любители сих наук были.

Равным образом стихотворец, незнающий ниже грамматических правил, ниже риторических, да когда еще недостаточен и в знании языков, а паче в оригинале Авторов, ежели не читал тех, которые от древних веков образцом стихотворству остались, или новых, которые тем точно так как великие великим подражали, то николи до познания прямого стихотворства достигнуть не может. И чем меньше такой творец Рифм о науках прочих познание имеет, тем больше удаляется от тех качеств, которые природный дух в нем стихотворства довершают. Многие думают, что изучение словесных наук, которое у Латинщиков идет под именем Humaniora, а у Французов под именем Belles lettres, невеликого труда требует и невеликой нужды есть. И тогда случится таковым неискусным услышать слово из науки себе неведомое, то и бытие оного в свете отрицают. Скажи ему по нещастию слово латинское, тот час грубым лицом и презрительным смехом закричит: ты де по Сирски говоришь. Сам напротив того, когда напишет мадригал или песню любовную, то прочтет сперва домашним, гостя всякого ими же отправит, потóm и встрешному и поперешному читая глядит в глаза при всякой строчке. Где думает жалость изобразил: тут у себя сперва слезы отирает: смешное ли что, покажется ему, написал: сам прежде захохочет и таким образом зделав себя смешным и жалостным, и подлинно смех и жалость о себе возбудит в слушателе разумном. Сие он

видимое почти над собою посмеяние, за великую принявши мадригалу и песне своей аппробацию, думает по самолюбию, что похвала домашних и притворного приятеля есть та самая аппробация, которой в публице Авторы ищут, и для того надмен столько становится своими в Поэзии мнимыми успехами, что судит и решит о всех сочинениях без зазору и без остановки и тем бичь подает на свое невежество людям здравого рассуждения. Такового Рифмача не убережешься, чтоб и не прогневать иногда не примирительно, потому что и всякой разгневанный Автор неутолим в ярости. И не удивительно! Он читавши нахально многим свои сочинения, и слыша похвалы, или по лести, или по ласкательству, привык себя чтить совершенным, да в том самолюбии и закоснел уже чрез многие лета. О коль великий удар, когда он услышит стороной, что кто ни есть дерзнул назвать песню его нескладною! Сему он не отпустит ни в сей ни в будущей век; извержет на него весь яд свой: сулит все пропасти земные; татьбу церковную на него взводит. Бегает и мечется с ярости к другу и недругу в дом; проклятию предает желание служить наукою народу; кричит, что общество видимой лишается уже пользы. Сожгу книги! брошу стихотворство! пропади все, что я ни написал! Нещастие наше, что на своей клятве не долго остался! Завтра не утерпел — другой Мадригал, нового будто вкусу, компании кажет. Съехався с соперником и поговоря трусливо, тот час вскричит тебе — возьм перо и бумагу, кто больше из нас напишет. Таковое нещастие и Гораций в свое время терпел: «Тот час де Криспин меня вызывает, возьм, буде хочешь, перо, возьм бумагу, пусть нам дадут место, час и свидетелей; посмотрим, кто больше из нас напишет».¹

Кто не примет на себя терпения, кто не даст места такому самолюбию? Он молчание твое между тем в победу уже себе ставит. Почнет тотчас в пыхах таскать из кармана бумашки. В одной кажет сатиру, в другой эпиграмму. Прочитавши любовную песню; ах! Сударыня, вздохнуши скажет, жаль что вы Анакреонта в переводе не читали, вы бы увидели, сколь блиско я сему Греческому стихотворцу подражаю. Я читал при том

1 Ecce
Crispinus minimo ma provocat. Accipe, si vis,
Accipe iam tabulas: datur nobis locus, hora,
Custodes: videamus uter plus scribere possit.

Hor. lib. I, sat. 4.

и Геллерта и Готшейда на Немецком, великие то люди в Лейбцигском Немецком собрании! Бесспорно, что Анакреонт из старых великий стихотворец, другие между учеными знатны. Но тебе можно ли быть такову, как они, когда одних ты читаешь в переводе и несовершенно разумеешь; других хотя и в оригинале, да не имеешь сам того источника, из которого они почерпают. Ты считаешь Анакреонта без разбору; а стихотворец уже не так пристрастен, когда говорит: «Не иначе де Анакреонт горел любовью к Ватилле, который часто оплакивал свою страсть на лире неисправными стихами».¹

Другие говорят, что весьма нежности много Анакреонт имеет, только лирою своею поругание зделал музам, о подлых и чрезвычайных делах столь сладко говоря. Анакреонт был, как древность говорит, крайне к сластолюбию и пьянству по конед жизни своей склонен, по чему и писал одни Бахические и любовные песни. Но ты его знать не можешь в собственной красоте, разве в материи; по тому что перевод не может николи стихотворцева изъяснить оригинала. Ученые люди об нем свидетельствуют,² что его нежность хотя и на всех языках видна, но красота главнейшая состоит в том, что он Греческим Ионическим языком писал.

Не довольно того, что читал ты некоторое число старых и новых Авторов в переводе:

Кто в честь Аполлона играет в флейту нежно,
Учился прежде тот у мастера прилежно.³

Ежели хочешь быть в публике Автором, поступи дале во все словесные и во все свободные науки, которых может быть не только важность и польза к стихотворству, но и имена тебе неизвестны. Вместо того что не различаешь еще в грамматике осьми частей слова, и что ее знание, которое педагогом называешь, и церковных славенских книг чтение весьма потребно

¹ Non aliter Samio dicunt arsisse Bathyllo
Anacreonta Teium;

Qui persaepe cava testudine flevit amorem
Non elaboratum ad pedem.

Epod. L. V. ode 14, v. 9.

² Жиралд истор. Стихотв., разд. 9.

³ Qui Pythia cantat
Tibicen; didicit prius, extimuitque magistrum.

Hor. De arte poet., v. 414.

к доброму слогу и правописанию; будь не только знаток, но и критик и учитель в том языке, на котором пишешь. Когда хочешь быть Автором, будь не отменно в некоторых случаях и Педант. Потом познай, что Период простой, что сложной и употребление частиц, соединяющих речь человеческую. Познай, что есть еще правила, которые речь и мысль твою украшают. Изучись отделять понятия и силлогистически представлять твои мысли. Положи основание по правилам Философии практической к благонравию. Пробеги все прочие науки и не кажись в них пришелцем. Научись тем языкам, в которых библиотеку найдешь тебе учителей. Поступи во глубину чтения книг, найдешь науку баснословия, которая тебе вразумит к понятию мыслей старинных стихотворцов. Мы писателей Греческих имеем от двух тысяч и пяти сот лет назад, которые свои веки услаждали. Их старайся знать, и что другими подражателями в них не открыто, того сам доискивайся, последуя самому себе. Когда Сафо, когда Анакреонт, в сластолюбиях утоплены, мысли свои писали не закрыто, когда Люкреций в натуре дерзновенен, когда Люциан в баснях бесстыден, Петроний соблазняет, оставь то веку их, к тому привычному, а сам угождай своему в нежности и в словах благопристойных. Ежели из правил политических знаешь уже должность гражданина, должность друга и должность в доме хозяина, и все статьи, которых практика в Философии поучает; то стихами богатства мыслей не трудно уже украшать, был бы только дух в тебе стихотворческой.

Материю о всем у Сократа найдешь,
К матерни слова не трудно приберешь.¹

Сими снабден, загляни в историю древнюю, загляни в новую политическую и литеральную. В чем силен Демостен, в чем велик Цицерон, или слаб Квинтилиан, чем друг к другу как Ораторы ревнуют, было бы тебе известно. Чем чтит Гораций Virгилия, в чем Virгилий велик, а Овидий нежен, почерпни то в самом языке Латинском. Прочти Французских великих стихотворцев в собственной их красоте, а не в переводе. Под сим малым числом я без числа тебе учителей разумею старых и новых. Рассуди, что все народы в употреблении пера и изъявлении мыслей

¹ Rem tibi Socraticae poterunt ostendere chartae,
Verbaque provisam rem non invita sequentur.

Hor. De arte poet., v. 310.

много между собою разнствуют. И для того береги свойства собственного своего языка. То, что любим в стиле Латинском, Французском или Немецком, смеху достойно иногда бывает в Русском. Не вóвсе себя порабо́щай однакож употреблению, ежели в народе слово испорчено, но старайся оное исправить. Не будь притом и дерзостен сочинитель новых. Хотя и свой собственный составишь стиль, однакож был бы он чист в правописании и этимологии, плодоносен в изобретении слов и речей приличных, исправен в точности их разума, в ясном мыслей изображении, в непринужденной краткости, в удалении от пустого веле-речия, в падении по прозодии, в периодах незаплетенных сою-зами, наречиями и междометиями, мысль твою затемняю-щими.

И хотя ты изобилуешь слогом Грамматическим, красноречием по правилам Реторики, материею из истории и наук, благонравия законами из Философии, богатством мыслей и примеров из чтения всякого рода книг исторических и критических и всем тем знанием, которое приобрел в юности, то и все сие исполнив, не дерзай еще писать учительных поэм. Оратором можно сделаться, хотя бы кто природного таланта к тому и не имел, потому что Реторическая наука может недостаток природный несколько наградить. Но стихотворцем без природного таланта, который французы называют *genie*, или без природного духа стихотворческого никак сделаться не можно, и недостатка таковой природы никакая наука наградить не может. Овидий го-ворит: ¹

Дар богов имеем и им действуем,
Стремление наше от них в нас вкоренено.

Онѣй дар есть тот огонь в стихотворце, который возвышает разум, который дает щастливые мысли и который их изображает с величеством. Щастлив тот, которого природа сим одарила. Он, имея сей талант, часто сам выше своего разума возвышается, тогда как другой без сего таланта, что ни скажет в стихах, ползает и пресмыкается по землі. Первый, без труда говоря о деле великом, в словах величествен или и в самых малых

¹ Est Deus in nobis, agitante calescimus illo;
Impetus hic sacrae semina mentis habet.

Ovid. Fastorum, lib. VI, v. 5.

вещах виден, что стихотворец. Таков был Малерб, таков был Ракан. Боало про них говорит: ¹

Малерб дела Героев прославлять может,
А Ракан петь Филлису, пастухов и леса.

Но другой в поте лица своего пишет речи площадные и просто-народные. Таковы всегда те стихотворцы, которые сами себя хвалят и чтут себя за великих, не уважая, что публика об них говорит. Обыкновенно они думают, что их стихи велики, но великие стихотворцы стихами своими никогда недовольны и с сомнительством в народ их выпускают. Виргилий с великою робостью ночью был принужден к Цесаря Августа дому прибить стих свой похвальный: ²

Чрез целую ночь непогоду, а утром позорище видим:
Юпитер и Цесарь владеют светом совокупно.

Он всячески старался укрывать себя, хотя Император с крайнею ревностью желал Автора сыскать столь искусному стиху. Но сие еще удивительнее, что при смерти очень просил, что его Энеиды, над которыми он двенадцать лет трудился, были сожжены, ³ ежели бы Цесарь Август от того не удержал, и не отдал в сохранение и для чистой переписки двум славным стихотворцам Тукке и Вариусу, которым притом и повеление дал, чтоб они ни единого слова не отменили. От чего сие? От того, что великие стихотворцы николи не имеют высокого о своих стихах мнения, и они крайнего всегда ищут совершенства в том, что издают в свет. Гораций во многих местах говорит про себя, что он на стихотворца не похож, и что будто духа стихотворческого он не имеет. Щастлив тот век, в которой Стихотворцы столь смиренномудрствовали. О! когда ты к нам возвратишься.

Худые поэты веку беспокойство! ⁴

¹ Malherbe d'un Heros peut vauter les exploits,
Racan chanter Phillis, les bergers & les bois.

Boileau. Art. poët. ch. I, v. 18.

² Nocte pluit tota, redeunt spectacula mane;
Divisum imperium cum Iove Caesar habet.

³ Патеркул, Световий, Виргилий и проч.

⁴ Saeculi incommoda pessimi poëtae! Catull. 14 23.

По чему жалуется к Пизонам и учит их Гораций.¹

Почти всякой де невежа делать стихов не стыдится,
 Что за причина? Дворянин, свободный и достаток
 имеет[шь?],
 Ежели хочешь быть разумен и рассудлив,
 Не имев способности писать отнюдь не дерзай:
 Но буде ужè что написал, дай Тарпе, отцу и мне
 прочитать,
 Или запри те бумаги в сундук лет на десять:
 То еще всегда выскребешь, что в народ не издал.
 А напечатавши знай, что слова не поворотишь.

К сему в согласие Рапен говорит:²

«Нет де ничего столь досадного как стихотворец напоенный самолюбием, всему свету наскучит читаючи свой сложения. И как скоро один или другой стих в рифму положит, то всячески старается сам свою мудрость прославить; великие де между тем люди не меньше трудности имеют свое сочинение в публику показать, сколько прилагают попечения от оной укрывать». Боало чрез многие годы от всех Академиком и приятелей был прошен, чтоб свои сатиры отдал напечатать, однакож он долговременно отважности не имел, по его мнению, столь слабое сочинение в свет выпустить; но когда уже усмотрел, что рукописные копии везде умножилися, и переведены сатиры его на разные языки, а паче всего переписками изуродован разум текста его, то при-

¹ Qui nescit, versus tamen audet fingere. Quidni?
 Liber et ingenuus, praesertim census equestrem
 Summam nummorum, vitioque remotus ab omni
 Tu nihil invita dices faciesve minerva.
 Id tibi iudicium est, ea mens, si quid tamen olim
 Scripseris, in Metii descendat iudicis aures,
 Et patris, et nostras; nonumque prematur in annum.
 Membranis intus positis, delere licbit
 Quod non edideris. Nescit vox missa reverti.

Гораций о искусств. стих., ст. 382.

² Il n'y a rien de plus incommode qu'un Poëte entêté de son mérite: il en fatigue tout le monde, en pronant éternellement ses ouvrages; & dès qu'on sait rimer un bout des vers, on veut que tout le monde le sçache, pendant que les grands hommes ont tant de peine à se produire, & prennent tant de soin de se cacher.

Рапен: рассужд. о стихот.

нужден был с великим нехотением первую эдицию выпустить в 1666 году, дабы исправный Оригинал в людях был.¹

Ежели ужé испытал в твоём разуме, что ты имеешь дух стихотворческий, то пусти прежде в свет под именем неизвестным нечто малое и не спеши сам себя хвалить, а паче берегись ласкателей, и не лсти себя хвалами тех людей, которые сами не знают, за что тебя хвалят или хулят, но старайся выведывать стороною, что люди искусные о тебе говорят, что публика рассуждает. От нее, а не от себя самого честь себе приемли и похвалу. По сем предупевши пиши учительные поэмы и веселись, когда ужé приобрел стихотворства талант.

Знание одних только языков весьма недовольно, чтоб мы людям могли показывать себя учеными, тем меньше когда еще и в них дальнего совершенства не имеем. Но однакож многие нашего народа люди, имея бóльшее нашего в языках искусство, не могут еще своим разумным примером отвратить нас от того, чтоб мы стихов не писали. Малинькая песня или станс, которая и без науки и в худых рифмах может иногда мысль удачную заключить, так нас вредит иногда, что мы и Автора и учителя имя на себя смело и тщеславно приемлем. Вместо того что разумные люди искусство свое в языках в действительную пользу себе обращают и тем справедливо берут над нами поверхность. Они прилежно всякого рода читают книги и, час от часу бóльшее получая просвещение, делают себя полигисторами, так что о всех науках генеральное напоследок понятие имеют. Сие средство возвышает их в достоинство то, что они делаются судьями скоропоспешных и незрелых Авторов. Они тот час скажут, свое ли что Автор написал, или тайно взял от какого ни есть стихотворца. Знают, что слогу Лирическому прилично, что Эпическому; Геройских слов и мыслей в песне не терпят; Сатиру от бранных и грубых слов различить умеют и видят прямо, что Трагедия, что Комедия, что Пасторал, Опера Французская или Италианская. Одним словом, они довольствуются тем, когда мнимых ученых видят посмеянием разумным людям.

Удивительные иногда качества на себя приемлет, ежели смею сказать, таковой мнимый Автор. Он старается в людях себя казать неумытым лицом и нечесанною головою, дая чрез то знать, что всегда дома сидит над горшком чернил и стопою бумаги.

¹ Смотри предисловие его того же году.

Кому де меня зазреть? Сие оставляю, говорит, людям досужным, а нам сидя с мертвыми друзьями неколи о том помышлять: потом при всяких разговорах Сатириком себя показать не оставит. Ходит часто задумчив, правила вежливости вовсе презирает, к стати или не к стати вчера прочитанную фавулу стихотворческую рассказывает. Буде досадил кому невежеством, тот час кричит вместо извинения слыханную речь Горациеву: стихотворцам и живописцам все дозволено! Не зная того, что тот же Автор написал: ¹

Есть во всех делах посредство и пределы,
Из которых ежели выступишь, правость потеряется.

Гораций пишет, что «в прежние де времена комедианты вольность такую в речах употребляли, что от вольности произошли дерзость и порок. Почему принужден был Магистрат учинить запрещение, которое не обходимо было потребно. От тех пор началась в театрах благопристойность и хор от укорици персональных воздержался», которых и всеконечно ни в Плавте, ни в Терентие, сочинителях Римских комедий, ужè не видно. «Демокрит де рассуждает, хотя бы кто и знал правила к стихотворству, но ежели здравого ума и наук не знает, то в Геликон не годится. Иной де сидит дома, удаляясь от людей, ни ногтей ни бороды не остригая, в том замыкает всю важность стихотворца. Но мне де, когда я сам острым железом быть не могу, то лучше быть желяю точилом, которым железо изощряется, и искать того богатства, которое питает разум стихотворцев и показывает, что полезно, что вредно, что добродетель, что порок. Кто хочет де прямо писать, тот должен знать начало и источник премудрости».

Ежели я тем утешаюсь, что мое имя в Авторах народу станет известно, то не меньше и опасаться должен, чтоб оно на веки не осталось посмеянием. Многих видим стихотворцев в древности, которых дела к немалому сожалению до времен наших не остались. Однакож Мевий и Бавий хотя и в Августовы времена с Виргилием жили, мы знаем за тысячу и семь сот лет, что они были дурные стихотворцы. Виргилий пишет: ²

¹ Est modus in rebus, sunt certi denique fines;
Quos ultra citraque nequit consistere rectum.

Гор.: кн. I. Сат: X, ст. 106.

² Qui Baviium non odit, amet tua carmina, Maevi.

Эклога III, ст. 90.

Кто Бавия не ненавидит, пускай любит твои в наказание,
Мевий, стихи.

Лучше когда бы они ничего не писали, то бы ни *Виргилий* ни *Сервий* нам памяти об них не оставили, да и имя их не вошло бы в *Латинскую* поговорку. Но не удивительно, что многие в сию погрешность впадают, потому что литература кроме того, что во внутренности ее сокровенно, наружной в себе много красоты имеет, которою читатель услаждается. Таковому часто кажется, что довольно и того к искусству в словесных науках, когда он, читая или изрядную прозу или приятные стихи, понимает их и ими услаждается. Сколь однакож великая разнь между тем, что бы разуметь красоту речи, и между тем, что бы понимать и постигать источник и основание, от которого другой столько своей речью в стихе или прозе нас услаждает. Мы только веселимся высококостию разума, а другой к тому присовокупляет знание и науку, которую в нем понимает. Скажет кто, «что мне в том нужды, чтоб знать весь тот источник, из которого красная речь истекает или льются приятные стихи? Довольно что я ими услаждаюсь и, различая доброе сочинение от дурного, им подражаю. Дурная мысль мне видима и не нравится, следовательно я столько же вкусу имею, как и сочинитель, и ему подражаю». Изрядно! Вкус наш происходит от многого чтения таковых уже сочинителей, а без того прямо и на вкус положиться собственно еще не можем. Ежели правил в сочинениях не знаем, ежели своей собственной материи довольно не имеем, то высококость разума в одно только нас удивление приводит. А хотя и подражать отважимся какому ни есть сочинению, что пускай бы нам и удалось, то в продолжении той же материи, или тому подобной, тот час примечено будет наше истощание. И таковый Автор никогда ни ровного стиля, ни ровного духа иметь не может: но по склонности часа и дня труды его переменять свою цену будут. *Виргилий* последовал, как *Плиний* и *Светоний* свидетельствуют, в *Эклогах* *Феокриту*, в *Георгиках* *Гезиоду*, а в *Энеидах* *Гомеру*; но научая прежде в *Неаполе*, а после в *Афинах* больше красоты и сладости придал истории *Троянской*. Так последовал *Боало Горацию*, *Гораций* своему *Луцилию*, которого далеко превзошел. Все мы глядим с удивлением на картину, когда видим изображенную на ней натуру или страсть человеческую. Но те, которые притом видят растворение красок, смелость кисти живо-

писной, соединение теней с светом, регулярную пропорцию в рисовании, изображенное удаление и близость объектов в своей перспективе, смяхчение в дальних объектах же света и тени, двойственное увеселение чувствуют. Приятная музыка многих услаждает, но несравненно те ею веселятся, которые правильную гармонию тонов целых и половинных, их дигрессию и резолюцию чувствуют. Одни веселятся потому, что вкус и охоту имеют к живописству и музыке, другие вкусу и охоте присоединяют знание и науку. Так равномерно делается и с красноречием, так и с стихотворством. Сколько щастливых мыслей и украшений в речи или поэме, сколько приятных мест миновать тот может, кто науки словесной прямо научился, тем паче когда еще и оригинала читать не может? Временем еще те же самые удачные стрóки по незнанию прогневить его могут. Так как незнающему композиции музыкальной, когда секунда, кварта, секста-минор и септима суперфлуа сделают диссонацию, то по коих пор кварта на терцию, секста на квинту, а септима на октаву не разрешатся, ухо его раздражает. Или Рубенсовы в тенях красные рефлексии неискусному в живописстве глазам досаждают. Но ежели бы всем равно самые науки были известны, то бы и ухо и глаз их тем же равно веселился.

И так, чтобы Автором быть, должно ученическим порядком от младых нохтей всему перво учиться и в науках пребыть до возрастных лет, а потом ежели нужда, а не тщеславие, позовет издать что либо в свет учительное, готовым быть самому себе и ей во всем дать отчет. От чего бывает, что новый Автор написавши малое число поэм станет тот час ослабевать? Не от того ли, что сочинения его от одного чтения и подражания украшаются. Он сам себе хотя и раждает мысли, но ежели бы не имел оригинала, то бы целого составить не мог. Сие то самое есть, что я говорю; без наук человеку две или три пиэсы сочинить удастся, потому что никто или не знает, или не поверяет, кого Автор за оригинал себе представляет. Но ежели бы таковой щастливый разум исполнен был литературы, то бы не подражанием только, но и своим собственным вымыслом всегда нечто новое и небывалое раждать мог. Не возможно себе не представлять за образец славных людей в свете, но еще то почитать надобно за наилучшее вспоможение, без которого и обойгись Стихотворцам не возможно, однакож при подражании одном оставаться не должно. Ежели бы Цицерон не представлял себе Демостена, Демостен

Исократ, Платона, Эшила и других, Виргилий Гомера, Расин Эшила, Софокла и Еврипида, Молиэр Терентиа и Шавта, Гораций Пиндара, Боало Горация и Ювенала: одним словом Греки, как думают ученые, Египтян, Латинщики Греков, Французы и Немцы Латинщиков, то бы и приращения в словесных науках мы не видели; но когда великие великим людям подражают, тогда разум и дух их, науками и примерами обогащенный, всегда нечто раждает новое, и, как я выше сказал, небывалое. По сим рассуждениям мы видим, что правила одни стихотворческой науки не делают Стихотворца, но мысль его раждается как от глубокой эрудиции, так и от присовокупленного к ней высокого духа и огня природного стихотворческого. Ибо кто знает, что стопа, что цезура, что женская, что мужская рифма, и с сим бедным запасом в Стихотворцах себя хочет числить, тот равно как бы хотел воевать, имея в руках огнестрельное оружие, не имея ни пуль ни пороху. Цицерон о Стихотворце говорит: ¹ В безделицах я Стихотворца не вижу, в обществе гражданина видеть его хочу перстом измеряющего людские пороки.

II. О „ПИСЬМЕ МОЛОДОГО РУССКОГО ВЕЛЬМОЖИ“

В пятом томе журнала «L'Année littéraire» за 1760 г. (стр. 194—203), издававшемся известным антагонистом Вольтера, Эли Фрероном (1719—1776), была помещена статья «Lettre d'un jeune Seigneur Russe à M. de ***» («Письмо молодого русского вельможи к г. де ***»). Фрерон, прославившийся яростной борьбой против энциклопедистов и Вольтера в особенности, с 1754 г. приступил к изданию «Литературного года», издававшегося им до самой смерти. Журнал следил за новостями французской и иностранной литератур, и в появлении статьи «молодого русского вельможи», посвященной современному положению русской литературы, не было ничего необычного. Не нужно забывать, что со времени возобновления при Анне Иоанновне дипломатических отношений Франции с Россией участились поездки русских дворян за границу, преимущественно во Францию.² Особенно

¹ Poetam non audio in nugis, in vitae societate audiam civem digitis peccata dimetientem sua (Цицер. Парадокса. III).

² Haumant, Emile. La culture française en Russie (1700—1900). P., 1910, p. 55.

ском языке, которое включает в себе жизнеописание Ломоносова, оду в честь его и перевод двух пьес его: Утреннего и Вечернего размышления о божием величестве, так же как письмо к Вольтеру с ответом на него. Сколько признательны мы графу Шувалову за эти прекрасные образцы его таланта, столько же сожалеем о жестокости, с которой написана им горькая сатира против Сумарокова; общество полагает, что она обличает более личной ненависти, чем справедливости. Уже одно то обвинение, будто Сумароков есть только переписчик недостатков Расина, вооружило против автора знатоков, которые судят Расина по правилам искусства, но в то же время отдают справедливость и г. Сумарокову».¹

Замечания автора «*Nachricht'a*» представляют значительный интерес, как отклики современника, подчеркивающего, что произведение Шувалова «вооружило против автора знатоков, которые... отдают справедливость г. Сумарокову». Вместе с тем, как уже отметил в свое время академик А. А. Куник, переиздавший в 1865 г. «Оду» Шувалова,² описание книжечки Шувалова в «*Nachricht'e*» не соответствует единственному известному экземпляру «*Ode sur la mort de M. Lomonosof*». Акад. Куник высказал предположение о том, что у автора «*Nachricht'a*» было в руках, повидимому, второе издание «Оды» Шувалова.

Однако до сих пор, известен только один экземпляр «Оды» 1765 г. из библиотеки Вольтера, хранящийся в настоящее время в Государственной публичной библиотеке в Ленинграде.

Возвращаясь снова к цитированным выше заключительным строфам «Оды» Шувалова, следует отметить, что к числу «завистников», т. е. противников Ломоносова, о которых автор «Оды» не желал упоминать, относился в первую очередь И. П. Елагин, значительная фигура в придворном кругу шестидесятих годов XVIII в.,³ поэт и дилетант, представитель новой аристократии екатерининской эпохи. Кто были «другие» хулители Ломоносова из того же круга, не имеет столь важного значения. Существенно только одно: борьба за Ломоносова и против Сума-

¹ «Материалы для истории русской литературы», издание П. А. Ефремова. СПб., 1867, стр. 132—133.

² Куник, А. Сборник материалов для истории императорской Академии Наук в XVIII в., СПб., 1865, ч. I, стр. 216.

³ Круглый, А. И. П. Елагин. Биографический очерк. «Ежегодник имп. театров», сезон 1893—1894 г., приложения, кн. 2, стр. 99.

рокова и обратно делила литературную публику 50-х и 60-х годов XVIII в. на два лагеря. При этом, как будет указано ниже, деление это имело и внешние — социально-бытовые, и внутренние — классово-идеологические основания.

Забытое «Письмо молодого русского вельможи» представляет на этом фоне явление характерное и значительное.

Соперничество между Ломоносовым и Сумароковым по традиции сводят лишь к неуживчивости и самомнению обоих поэтов, упуская при этом из виду, что в лице Ломоносова, «певца Елисаветы», торжественного одописца, прославлявшего императорскую власть, высшее придворно-аристократическое дворянство имело своего идеолога. Гимны торговле и промышленности, как предпосылке торговли, панегирики науке и сильной власти, споспешествующей торговле, промышленности и науке, — все это идеологическое содержание высокой лирики Ломоносова может быть исторически истолковано только как продукт идеологии тех частей дворянства, которые в эти годы стали заниматься торговлей и промышленностью, расхватывая казенные заводы, беря откупа и т. д. Но в деятельности Ломоносова была еще одна сторона, даже заслонявшая другие и больше бросавшаяся в глаза современникам и ближайшим потомкам: это введение в литературу разговорного языка, в определенных пропорциях смешанного со славянским. Секуляризация языка, размежевание с церковным стилем, освобождение от многовекового господства духовной интеллигенции — все это, может быть, бессознательно делало Ломоносова героической фигурой в середине XVIII в., как живое доказательство возможности самостоятельного бытия «светского» стиля, причем «светский» — по тогдашним условиям — совпадал с понятием «дворянский». Эта двойственная позиция Ломоносова способствовала различным функциям его творчества в различных социальных группировках в разные периоды.

Роль Сумарокова была иная. В его деятельности следует различать два момента. По идеологическому содержанию трагедии его, основной фонд славы Сумарокова, являются апофеозом «идеального» монарха в представлении среднего дворянства, идеологом которого был Сумароков, резко выступавший против придворной аристократии времен Елизаветы. При оформлении этой основной идеи своих трагедий Сумароков стремился, в соответствии с эстетическими вкусами выдвинувшего его среднего

дворянства, к простоте, ясности и выразительности. Эти две черты в его творчестве делали Сумарокова, с одной стороны, неприемлемым для той части высшего дворянства, которая стояла при Елизавете, как Шуваловы, во главе управления государством, а с другой стороны, заставляли среднее дворянство видеть в творце «Хорева» и «Дмитрия Самозванца» своего эстетического вождя.

Таким образом, «меценатство» Шуваловых и Воронцовых по отношению к Ломоносову и в частности литературные восхваления его со стороны Андрея Шувалова делаются понятными только как своего рода оппозиция тому, «певцом» чего являлся Сумароков.

В статье А. П. Шувалова есть еще одна сторона, мимо которой не следует пройти. Выступая во французском журнале перед читателями, которым внутренние русские отношения не были известны, но у которых имелось старинное предубеждение против возможности культурного развития России, Шувалов несколько должен был в данном вопросе занять подчеркнутую позицию национальной гордости. Несмотря на то, что о Сумарокове он отзывается как о человеке, лишенном творческого гения и лишь способном подражать, притом подражать не недостижимому Корнелю, а слабому Расину, — несмотря на это, Шувалов говорит о Ломоносове и Сумарокове как «о двух поэтах, составляющих славу своего отечества, произведения которых доказывают, что эта страна вовсе не враждебна трудам Муз и в состоянии возвращать цветы и плоды Поэзии».¹

На эту сторону статьи Шувалова необходимо обратить внимание потому, что в ней и в ряде статей других авторов, также опубликованных на иностранных языках (напр. Волкова, Хераскова, Карамзина), этот национальный элемент играет не последнюю роль. Остановившаяся на этом пункте, не следует, конечно, забывать, что главное значение статьи Шувалова не в этом, а в той идеологической позиции автора, которая была обнаружена выше в побудительных причинах прославления Ломоносова и умаления роли Сумарокова.

ПИСЬМО МОЛОДОГО РУССКОГО ВЕЛЬМОЖИ К ***

Один из моих друзей, давно проживающий в Петербурге, на вопрос мой о новинках русской литературы, сообщил мне, что

¹ L'Année littéraire, 1760, t. V, стр. 202; ср. стр. 195.

двое молодых русских вельмож, оба камер-юнкеры, из которых наиболее взрослому — всего двадцать два года,¹ а у наиболее бедного — четыреста тысяч ливров дохода, возвратились недавно в свое отечество, объездив почти все европейские дворы и привезя с собою одни лишь только добродетели иноземцев, а также любовь к наукам и искусствам, которыми они сами с успехом занимаются. Ученые люди справедливо видят в них своих русских меценатов. Недавно они организовали маленькое литературное общество, для допущения в которое нужно обнаружить таланты, остроумие и любовь к труду. Общество это состоит только из русских и французов. Громадное пространство, разделяющее оба государства, существует как-будто только для того, чтобы сблизить гений, остроумие и самое сердце обоих народов. Письмо, которое пересылаю Вам, милостивый государь, касается двух наиболее известных русских поэтов и написано графом А. Ш.,² одним из тех двух молодых вельмож, о которых я Вам говорю. Оно было прочитано на одном из интимных заседаний этого литературного общества.

Вы спрашиваете, милостивый государь, мое мнение о двух русских поэтах, украшающих мою родину. Вы хотите знать их дарование и красоты; не легко удовлетворить вас и оценить достоинства Ломоносова и Сумарокова (Sougoukof), достойных того, чтобы их знало потомство.

Ломоносов — гений творческий; он отец нашей поэзии, он первый пытался вступить на путь, который до него никто не открывал, и имел смелость слагать рифмы на языке, который, казалось, представляет весьма неблагоприятный материал для стихотворства; он первый устранил все препятствия, которые, казалось, должны были его остановить; он первый испытал торжество над той досадой, которую испытывают писатели-новаторы, и не руководствуемый никем, кроме собственного дарования, преуспел, вопреки нашим ожиданиям. Он открыл нам красоты и богатства нашего языка, дал нам почувствовать его гармонию, обнаружил его прелесть и устранил его грубость.

¹ Барону Александру Сергеевичу Строганову было в это время на самом деле 27 лет.

² В подлиннике — А. Ш. —, так как Шуваловы и по-французски писали свою фамилию согласно немецко-французской орфографии: Schouwaloff.

дворянства, к простоте, ясности и выразительности. Эти две черты в его творчестве делали Сумарокова, с одной стороны, неприемлемым для той части высшего дворянства, которая стояла при Елизавете, как Шуваловы, во главе управления государством, а с другой стороны, заставляли среднее дворянство видеть в творце «Хорева» и «Дмитрия Самозванца» своего эстетического вождя.

Таким образом, «меденатство» Шуваловых и Воронцовых по отношению к Ломоносову и в частности литературные восхваления его со стороны Андрея Шувалова делаются понятными только как своего рода оппозиция тому, «псевдом» чего являлся Сумароков.

В статье А. И. Шувалова есть еще одна сторона, мимо которой не следует пройти. Выступая во французском журнале перед читателями, которым внутренние русские отношения не были известны, но у которых имелось старинное предубеждение против возможности культурного развития России, Шувалов невольно должен был в данном вопросе занять подчеркнутую позицию национальной гордости. Несмотря на то, что о Сумарокове он отзывается как о человеке, лишенном творческого гения и лишь способном подражать, притом подражать не недостижимому Корнелю, а слабому Расину, — несмотря на это, Шувалов говорит о Ломоносове и Сумарокове как «о двух поэтах, составляющих славу своего отечества, произведения которых доказывают, что эта страна вовсе не враждебна трудам Муз и в состоянии взращать цветы и плоды Поэзии».¹

На эту сторону статьи Шувалова необходимо обратить внимание потому, что в ней и в ряде статей других авторов, также опубликованных на иностранных языках (напр. Волкова, Хераскова, Карамзина), этот национальный элемент играет не последнюю роль. Остановившись на этом пункте, не следует, конечно, забывать, что главное значение статьи Шувалова не в этом, а в той идеологической позиции автора, которая была обнаружена выше в побудительных причинах прославления Ломоносова и умаления роли Сумарокова.

письмо молодого русского вельможи к * * *

Один из моих друзей, давно проживающий в Петербурге, на вопрос мой о новинках русской литературы, сообщил мне, что

¹ L'Année Littéraire, 1760, t. V, стр. 202; ср. стр. 195.

двое молодых русских вельмож, оба камер-юнкеры, из которых наиболее взрослому — всего двадцать два года,¹ а у наиболее бедного — четыреста тысяч ливров дохода, возвратились недавно в свое отечество, объездив почти все европейские дворы и привезя с собой одни лишь только добродетели иноземцев, а также любовь к наукам и искусствам, которыми они сами с успехом занимаются. Ученые люди справедливо видят в них своих русских меценатов. Недавно они организовали маленькое литературное общество, для допущения в которое нужно обнаружить таланты, остроумие и любовь к труду. Общество это состоит только из русских и французов. Громадное пространство, разделяющее оба государства, существует как-будто только для того, чтобы сблизить гений, остроумие и самое сердце обоих народов. Письмо, которое пересылаю Вам, милостивый государь, касается двух наиболее известных русских поэтов и написано графом А. Ш.,² одним из тех двух молодых вельмож, о которых я Вам говорю. Оно было прочитано на одном из интимных заседаний этого литературного общества.

Вы спрашиваете, милостивый государь, мое мнение о двух русских поэтах, украшающих мою родину. Вы хотите знать их дарование и красоты; не легко удовлетворить вас и оценить достоинства Ломоносова и Сумарокова (Somorokof), достойных того, чтобы их знало потомство.

Ломоносов — гений творческий; он отец нашей поэзии, он первый пытался вступить на путь, который до него никто не открывал, и имел смелость слагать рифмы на языке, который, казалось, представляет весьма неблагоприятный материал для стихотворства; он первый устранил все препятствия, которые, мнилось, должны были его остановить; он первый испытал торжество над той досадой, которую испытывают писатели-новаторы, и не руководствуемый никем, кроме собственного дарования, преуспел, вопреки нашим ожиданиям. Он открыл нам красоты и богатства нашего языка, дал нам почувствовать его гармонию, обнаружил его прелесть и устранил его грубость.

¹ Барону Александру Сергеевичу Строганову было в это время на самом деле 27 лет.

² В подлиннике — А. S. —, так как Шуваловы и по-французски писали свою фамилию согласно немецко-французской орфографии: Schouwaloff.

Избранный им жанр наиболее трудный, требующий поэта совершенного и дарование разностороннее; это — лирика. Нужны были все его таланты, чтобы в этом отличиться. Почти всегда равен он Руссо,¹ и его с полным правом можно назвать соперником последнего. Мысли свои он выражает с захватывающей читателей порывистостью; его пламенное воображение представляет ему объекты, воспроизводимые им с той же быстротой; живопись его велика, величественна, поражающа, иногда гигантского характера; поэзия его благородна, блестяща, возвышенна, но часто жестка и надута. Иногда он приносит в жертву гармонию стилю силе выражения; он отступает от своего предмета, почти всегда подымается над своей сферой и полагается на пылкость своего воображения.

Он велик, когда нужно изобразить избиение и ужасы сражений, когда нужно описать ярость, отчаяние сражающихся, когда нужно нарисовать гнев богов, их кары, которыми они нас наказывают, и бедствия, разоряющие землю; словом, все что требует силы и энтузиазма, его гений передает с огнем. Ода его о шведской войне² — шедевр, который обессмертил его, здесь поэт проявляется во всей его силе.

Чтобы дать вам понятие о его красотах, я переведу несколько строк; недостатки моего перевода вы извините — в виду невозможности подражать великолепию поэта; вы не будете судить подлинник по слабости копии; вы хорошо знаете, сколько теряют в переводе даже лучшие произведения. В том месте, где он говорит о победе, одержанной нами над шведами, он выражается в следующей форме:

Всяк мнит, что равен он Алкиду,
И что Немейским львом покрыт,
Или ужасную Егиду
Нося, врагов своих страшит;
Пронзает, рвет и рассекает;
Противных силу презирает;

¹ Имеется в виду не Жан-Жак, а Жан-Баттист Руссо (Jean-Baptiste Rousseau, 1670—1741), считавшийся в XVIII и начале XIX в. одним из крупнейших французских лириков.

² «Ода о шведской войне». Ода 2. На прибытие ее величества великия государыни императрицы Елисаветы Петровны из Москвы в Санкт-петербург.

Смесившись с прахом, кровь кипит;
Здесь шлем с главой, там труп лежит,
Там мечь с рукой отбит валится,
Коль злора жестоко казнится.¹

В 21-й строфе 4-й оды,² говоря об открытии рудников, обогативших наше государство, он обращается к нашей августейшей повелительнице:

И се Минерва ударяет
В верьхи Рифейски копием,
Сребро и злато истекает
Во всем наследии твоём.
Плутон в расселинах мятется,
Что Россам в руки предается
Драгой металл его из гор,
Который там натура скрыла;
От блеску дневного светила
Он мрачный отвращает взор.

В следующей строфе он обращается к своим согражданам:

О, вы, которых ожидает
Отечество от недр своих
И видеть таковых желает,
Каких зовет от стран чужих.
О, ваши дни благословенны.
Дерзайте, ныне ободренны,
Раченьем вашим показать,
Что может собственных Платонов
И быстрых разумом Невтонов
Российская земля раждать.

В 24-й строфе он доказывает пользу наук:

Науки юношей питают,
Отраду старым подают,

¹ В настоящем переводе ломоносовский текст восстановлен.

² В «Собрании разных сочинений в стихах и в прозе Михайла Ломоносова». Книга первая. 1751, стр. 92—104, Одой 4 является Ода на день восшествия на всероссийский престол ее величества государыни императрицы Елисаветы Петровны, 1747 года. Во втором издании 1757 г. эта ода напечатана на стр. 73—82.

В щастливой жизни украшают,
 В нещастной случай берегут;
 В домашних трудностях утеха
 И в дальних странствах не помеха,
 Науки пользуют везде:
 Среди народов и в пустыне,
 В градском шуму и на едине;
 В покое сладки и в труде.

Этот слабый перевод дает вам лишь очень неопределенную идею о красоте нашего поэта; но он показывает вам, по крайней мере, идеи поэта и парение его гения.

К сожалению, к столь разнообразным талантам примешивается недостаток, искажающий порою его стихи и низводящий их с той ступени совершенства, которую они могли бы достичь: это — отсутствие нежности, той стороны поэзии, которая требует вкуса и тонкости и которая в наибольшей степени украшает произведение. Он, кажется, совершенно не признает искусства говорить к сердцу, характеризовать любовь и изображать чувство; способный чертить мужественные штрихи, он слаб при изображении трогательного; оттенки ускользают от него, они, кажется, убегают из-под его кисти, и, желая стать более нежным, он становится холодным, утомительным и однообразным. Но ему должно простить то, чего ему недостает, во имя того, чем он обладает; малейшего из блестящих его свойств довольно, чтобы подтвердить это; и кто же мог бы вообще отличиться во всех родах.

К славе великого поэта он присоединяет звание удачного прозаика; его похвальная речь Петру Великому¹ — бессмертное произведение, приносящее за раз похвалу герою и автору. Мужественное, возвышенное красноречие царит в этой речи беспредельно; без труда обнаруживается тут гений возвышенный, всегда стоящий выше того, что он предпринимает.

Что касается Сумарокова, то он отличился в совершенно ином роде, именно, драматическом. Он первый открыл нам красоты этого жанра; лишенный творческого гения, он умеет с ловкостью подражать; неспособный подняться до Корнеля, он избрал в образец Расина; живость его мысли дополняется сухостью

¹ Слово похвальное Петру Великому было напечатано в 1754 г.

его воображения; все сюжеты его нежны; любовь рассматривает он с несравненной тонкостью; он выражает это чувство во всей его утонченности; чувство он рисует с такой правдивостью, что поневоле удивляешься, и такими красками, которые кажутся взятыми из самой природы. Его завязки остроумны, характеры — хорошо обработаны, стиль его цветист и изящен; он умеет трогать нашу чувствительность и увлекать наше сердце. Это Рубенс любви. Патетическое господствует во всех его произведениях, в них царит чувство, сладостная гармония их украшает.

Но его можно упрекнуть в копировке недостатков своего образца, в подражании ему даже в слабостях, в том, что любовь он делает центром своих трагедий, и портит их мелкими интригами, перегружая излишними эпизодами. Вот, милостивый государь, суждение, которое я дерзаю высказать о двух писателях, наделенных природой редкими дарованиями и делающими честь своему отечеству, произведения их показывают, что эта почва вовсе не враждебна трудам муз и способна производить цветы и плоды поэзии.

Имею честь и прочее

С.-Петербург, 15 мая 1760 г.

Вас должно не мало удивлять, милостивый государь, то обстоятельство, что молодой русский вельможа пишет на нашем языке с таким красноречием и чистотой. Если похвалы, расточаемые им двум поэтам его родины, показались бы преувеличенными, их следовало бы извинить из уважения к его рвению и одушевляющему его желанию возбудить соревнование между своими соотечественниками.

Г. Ломоносов (Lomonosof — буква f произносится как v) родился вблизи Архангельска, на берегу Белого моря, Сумароков — в Финляндии. Оба не имели состояния, а сейчас, благодаря благодеяниям императрицы, наслаждаются достойным счастьем. Первый, кроме од, расцениваемых в качестве шедевров, и похвальной речи Петру Великому, которую считают удивительной, сочинил ряд посредственных Надписей и плохих трагедий. С успехом занимается он механикой. Второй не ограничился сочинением трагедий, которые, действительно, хороши; он также автор посланий и од, весьма посредственных. Эти два русских поэта, чтобы соблюсти, очевидно, правила, установленные среди их сотоварищей со времени рождения поэзии, ненавидят друг

друга от всей души. Они доходят даже до взаимных оскорблений, совсем так же, как автор Когда, Бедняка, Шотландки и пр.¹

Lettre d'un jeune seigneur russe à M. de***

Un de mes amis qui depuis plusieurs années vit à Pétersbourg et à qui j'ai demandé des nouvelles de la Littérature de Russie, m'a répondu, que deux jeunes seigneurs Russes, tous deux Gentils-hommes de la Chambre de Sa Majesté Impériale, dont le plus vieux a vingt-deux ans et le moins riche quatre cens mille livres de rente, après avoir voyagé dans presque toutes les Cours de l'Europe, font de retour dans leur patrie, et n'y ont rapporté que les vertus des Etrangers et l'amour des Arts et des Sciences, qu'ils cultivent eux-mêmes avec succès. Les gens de Lettres les regardent avec raison comme leurs Mécènes en Russie. Ils ont exécuté depuis quelque temps le projet d'une petite Société Littéraire, où pour être admis, il faut prouver qu'on a des talens, d'esprit et l'amour du travail. Cette Société n'est composée que des Russes et des François. Il semble que l'intervalle immense qui sépare les deux Empires n'ait servi qu'à rapprocher le génie, l'esprit et le coeur des deux nations. La Lettre que je vous envoie, Monsieur, sur les deux Poètes les plus célèbres de la Russie, est la composition de M. le Comte A. S., un de ces jeunes seigneurs, dont je vous parle. Il l'a lue dans une des petites assemblées de la Société littéraire.

Vous me demandez, Monsieur, ce que je pense des deux Poètes Russes qui illustrent ma patrie. Vous désirez de connaître leur génie et leurs beautés, il est difficile de Vous satisfaire et d'apprécier le mérite de Lomonosow et de Somorocow, tous deux dignes d'être connus par la Postérité.

Lomonosow est un génie créateur et le père de notre Poésie, il est le premier qui ait tenté d'entrer dans une carrière que personne avant lui n'avoit ouverte, et qui ait osé rimer dans une langue qui paroissoit très ingrate pour la versification, il a le premier appani tous les obstacles que sembloient devoir l'arrêter, il a le premier triomphe de tous les dégoûts qu'éprouvent les littérateurs qui inventent et, sans autre guide que son génie, il a réussi

¹ Автором перечисленных произведений был Вольтер, антагонист редактора L'Année littéraire Фрерона, которому, повидимому, принадлежит конец статьи.

au-delà de nos espérances. Il nous a découvert les beautés et les richesses de notre langue, il nous en a fait sentir l'harmonie, il nous en a développé les grâces et l'a dépouillée en partie de sa grossièreté.

Le genre qu'il s'est choisi est le plus difficile de tous, il exige un Poète consommé et un génie des plus étendus, c'est le Lirique. Il y a fallu tous ses talens pour y exceller, il a presque toujours égalé Rousseau et on peut à juste titre le nommer son émule. Il exprime ses pensées avec une rapidité qui entraîne, son imagination ardente lui présente des objets qu'il trace avec la même vivacité, ses peintures sont grandes, majestueuses, frappantes, quelquefois gigantesques, sa poésie est noble, brillante, sublime, mais souvent dure et ampoulée. Il sacrifie quelquefois l'harmonie du style à la force de l'expression, il fait des écarts, s'élève presque toujours au-dessus de sa sphère et s'abandonne à la fougue de son imagination.

Il est grand quand il faut exprimer le carnage et les horreurs des combats, quand il faut d'écrire la rage, le désespoir des combattans, quand il faut peindre la colère des Dieux, les fléaux dont ils nous accablent, et les malheurs qui désolent la terre, en un mot, tous ce qui demande de la vigueur et de l'enthousiasme, son génie le rend avec feu. Son Ode sur la guerre de Suède est un chef-d'oeuvre, qui l'immortalisera, on y découvre le Poète dans toute la force.

Pour vous en faire connaître les beautés, j'en traduirai quelques Strophes, dont vous pardonneriez les défauts à l'impossibilité d'imiter le sublime du Poète, vous ne jugerez pas l'original sur la foiblesse la copie, vous savez trop combien les meilleurs ouvrages perdent dans la traduction. Dans un endroit où il parle de la victoire que nous avons remportée sur les Suédois, il s'exprime en ces termes dans la 20-e Strophe.

«Chaque Guerrier se croit un Alcide revêtu de la peau du Lion de Némée, ou bien un héros armé de l'Egide terrible qui répand la terreur et sème l'épouvante dans le coeur de ses ennemis, il attaque avec une intrépidité étonnante, rien ne résiste à ses efforts, rien ne s'oppose à la fureur de ce torrent débordé, il perce, détruit et fait plier les rangs. Les plus audacieux périssent sous le tranchant de son glaive homicide. Le sang répandu sur la terre bouillonne mêlé avec la poussière, partout on ne voit que de membres épars, des crânes sanglants, des corps pâles, défigurés,

environnés des ombres du trépas. Ce spectacle affreux qui fait frémir est un exemple de l'horrible châtement d'une Haine, injuste».

Dans la 21-e Strophe de sa 4-e Ode, en parlant de la découverte des mines qui ont enrichi notre Etat, il s'adresse à notre auguste Souveraine:

«J'apperçois Minerve qui de sa lance fend les sommets des Monts Riphées, je vois les métaux de couler de leur sein pour enrichir ton pais. Pluton frémit de voir les trésors, que la nature sembloit avoir cachés dans son Empire, devenir ta proie, et ne pouvant soutenir la lumière du jour qu'il abhorre, il en détourne sa vue appesantie».

Dans la strophe suivante il parle à ses consitoyens:

«O vous que la patrie attend de son sein, vous qu'elle désire voir semblables aux étrangers qu'elle appelle, vertueux citoyens, tâchez de les égaler et, encouragés par l'auguste Elisabeth, montrez à l'univers que la Rnssie peut enfanter des divins Platons et des immorteles Newtons».

Dans la 24-e Strophe il prouve l'utilité des Sciences:

«Les Sciences, dit-il, sèment les fleurs tous les instans de la vie, nourrissent la jeunesse, adoucissent les chagrins et les amertumes répandues sur l'hyver des ans, embelissent les charmes d'une vie heureuse, consolent dans l'adversité, et dans le sein des embaras domestiques, elles procurent des instans délectables. En un mot, les Sciences sont toujours utiles dans le grand monde et dans la solitude, dans l'oisiveté et dans les travaux, elles répandent de l'agrément sur nos jours».

Cette foible version ne vous donne qu'une idée très vague des beautés de notre Poète, mais du moins elle vous fait appercevoir ses idées et l'élévation de son génie.

C'est dommage qu'à tant de talens divers se mêle un défaut qui dépare quelquefois ses vers, et qui les privent de ce degré de perfection auquel il pourroit atteindre, c'est celui de méconnoître le gracieux cette partie de la poésie qui exige le plus de goût et de délicatesse, et qui embellit le plus un ouvrage. Il semble ignorer absolument l'art de parler au coeur, de caractériser l'amour, et de peindre le sentiment habile à tracer des traits hardis, il est foible à exprimer le touchant, les nuances lui échappent, semblent fuir son pinceau, et, lorsqu'il veut l'adoucir, il devient froid, languissant et monotone. Mais on doit lui pardonner

ce qui lui manque en faveur de ce qu'il possède, la moindre de ses brillantes qualités suffiroit pour l'illustrer, et quel est l'homme qui puisse exceller dans tous les genres?

Au titre de grand Poète il unit celui d'habile prosateur, son panégyrique de Pierre le Grand est un ouvrage immortel qui fait à la fois l'éloge du héros et de l'auteur. Une mâle et sublime éloquence y règne sans cesse, on y découvre aisément un génie élevé, toujours supérieur à ce qu'il entreprend.

Pour Somorocov il se distingue dans un genre bien différent, c'est dans le Dramatique. Il est le premier qui nous en ait découvert les beautés: privé d'un génie créateur, il sçait imiter avec adresse, incapable d'atteindre à Corneille, il a choisi Racine pour modèle, la vivacité de son esprit a suppléé à la sécheresse de son imagination, tous ses sujets sont tendres, il traite l'amour avec une finesse difficile à égaler, il exprime cette passion dans toute sa délicatesse, il peint le sentiment avec une vérité qu'on est contraint d'admirer et avec des couleurs qui semblent être celles de la Nature même. Ses intrigues sont ingénieuses, ses caractères bien faits, son style fleuri et élégant il sçait émouvoir notre sensibilité et séduire notre cœur. C'est le Rubens de l'Amour. Le pathétique domine dans toutes les pièces, le sentiment y règne, une douce harmonie les embellit.

Mais on peut lui reprocher d'avoir copié les défauts de son modèle, et de l'avoir imité jusques dans sa foiblesse, en faisant de l'amour l'âme de ses Tragédies, en les avilissant par des petites intrigues, en les chargeant des épisodes superflus.

Voilà, Monsieur, le jugement que j'ose porter de deux hommes qui ont reçu de la Nature des talens rares, qui font l'honneur à leur patrie, et dont les ouvrages prouvent que cette terre n'est point rebelle aux travaux des Muses, et qu'elle peut produire les fleurs et les fruits de la Poésie.

J'ai l'honneur d'être etc.

A S. Pétersbourg, ce 15 Mai 1760.

Vous ne devez pas être peu surpris, Monsieur, de voir un jeune Seigneur Russe écrire dans notre langue avec cette élégance et cette pureté. Si les éloges qu'il donne aux deux Poètes de son pays paroissent outrés, ils seroient pardonnables a son Zèle et au désir qui l'anime d'exciter l'émulation parmi ses compatriotes.

М. Lomonosow (le double w se prononce comme un f) est né près d'Archangel sur les bords de la Mer Blanche, M. Somorocow en Finlande. Ils étoient tous deux sans biens et jouissent actuellement d'une fortune honnête par les bienfaits de l'Impératrice. Le premier, outre ses Odes regardées comme des chefs-d'oeuvres, et le panégyrique de Pierre le Grand qu'on trouve admirable, a fait des Inscriptions communes et des mauvaises Tragédies. Il s'applique avec succès aux Mécaniques. Le second ne s'est pas borné à faire des Tragédies qui sont bonnes en effet, il est encore auteur d'Epîtres et d'Odes fort médiocres. Ces deux Poètes Russes, pour observer sans doute les règles établies entre leurs confrères dès la naissance de la Poésie, se haïssent très cordialement. Ils sont même parvenus à se dire des injures tout aussi bien que l'auteur des Quand, du Pauvre Diable, de l'Ecossoise etc.

III. ИЗ ЛИТЕРАТУРНОГО НАСЛЕДИЯ М. М. ХЕРАСКОВА

(Анонимная статья „О письменах Словенороссийских и тиснении книг в России“.)

Интерес русского дворянства к истории России, обнаружившийся с особенной силой с 30--50-х годов XVIII в., общеизвестен. Социальная природа этого факта несомненно находится в тесной связи с тем процессом формирования национального рынка, о котором писал Ленин в брошюре „Что такое «друзья народа»“: «Только новый период русской истории (примерно с 17 века) характеризуется действительно фактическим слиянием всех таких [отдельных] областей, земель и княжеств в одно целое. Слияние это вызвано было не родовыми связями..., и даже не их продолжением и обобщением: оно вызывалось усиливающимся обменом между областями, постепенно растущим товарным обращением, концентрированием небольших местных рынков в один всероссийский рынок. Так как руководителями и хозяевами этого процесса были капиталисты-купцы, то создание этих национальных связей было ничем иным, как созданием связей буржуазных» (Соч., изд. 2, т. I, стр. 73). Делать из этих слов Ленина вывод, что буржуазия являлась в данный период, точнее, в начале его, в XVII—XVIII вв., господствующим классом, неверно. Однако несомненно, что образование национально-буржуазных связей и сопутствующий им национализм нашли свое отражение и

в культуре господствующего класса, в культуре дворянства. Этим дворянским отражением буржуазного национализма объясняется борьба русского дворянства с «немецким засильем» при Анне и Елизавете и галлофобия его при Екатерине, этим же объясняется интерес дворянства к историческому прошлому России в XVIII в., в том числе и к истории русской литературы.

Среди ряда памятников исторического изучения русской литературы в XVIII в. особое место занимает помещенная в журнале Н. И. Новикова «Утренний свет» (1777 г., месяц сентябрь, стр. 55—61) анонимная статья: «О письменах Славенороссийских и тиснении книг в России».¹ В ней ставится вопрос о славянских письменных знаках как предпосылке литературы, анализируются скудные исторические свидетельства о славянской азбуке и высказываются более или менее основательные догадки и соображения о времени и характере древней русской письменности, в частности о старинных переводах. Последняя тема дает автору повод к следующей проникнутой национальной гордостью сентенции. «Каковы бы ни были оные священных книг переводы, но то истинно, что в самое то время, когда почти все Европейские народы на чужих языках богослужение отправляли, Россияне уже, на природном своем языке установив церковные обряды, прославляли бога, и пение к небесам воссылали. Но гордость и самолюбие заставляли думать прочие державы, что северные народы в глубине невежества пресмыкаются; таковые ошибки не к одному богословию в рассуждении России относятся, сколько мог я приметить, но до многих наших обстоятельств и до самых нравов, чувств и мыслей наших коснулись». (Утренний свет, ч. I).

Далее автор сообщает, что задумал работу по сравнению «домашних историков с повествованиями внешних» «И тогда, — продолжает он, — может быть оправдаются предки наши пред целым светом, докажут, сколь несправедливо современные внешние писатели об них судили, и еще изобличат в невежестве самих прорицателей» (там же, стр. 59).

Отметив, что «художество и некоторые механические науки поздно пришли в Россию», автор переходит к «тиснению книг», сперва славянским шрифтом, затем, при Петре, гражданским. При этом автор указывает, что «в бытность... директором при

¹ Во втором издании «Утреннего света» (1779) статья это находится в ч. I, стр. 202—207.

синаодальной типографии» (стр. 60) он разыскал подлинный первый оттиск гражданской азбуки с собственноручными поправками Петра и велел «соблюдать его в особом хранилище». Далее автор высказывает мысль о том, что литеры для новой азбуки были отлиты не в Москве, «по неискусству тогдашних Российских словолитцов», а в Голландии. Заключает свою заметку автор приглашением к читателям присылать примечания на данную статью: «Мы с охотой примем наставления, ежели кто, имея больше сведений о двух таковых пользах и основаниях наук, сообщит нам свои примечания на оные, ибо другой цели, кроме общей пользы, мы в наших трудах не поставляем» (там же, стр. 61).

Из подробного изложения этой статьи видно, что интерес ее заключается не в фактическом материале, которого, как показано, нет, а в идеологической позиции автора. Заключительные слова статьи формулированы так, что автора можно считать одним из членов редакции, состоявшей, как указано в «предведомствии» в № 1, из десяти человек. Состав редакции неизвестен, и, таким образом, пойти по этому пути определения автора нельзя. Однако в литературе вопрос об авторстве статьи «О письменах Славенороссийских» уже дебатировался. Сто лет тому назад И. М. Снегирев в статье «Труды Петра Великого в книгопечатании» (Библиотека для чтения, 1834, т. III, литературная летопись, стр. 43) бездоказательно приписал ее Алексею Кирилловичу Барсову (1673—1736), директору московской типографии при Петре. Н. М. Петровский обнаружил несостоятельность данной гипотезы ссылкой на заключающееся в статье упоминание о заботах Екатерины II по охране русских древностей («Библиографические заметки о русских журналах XVIII века». Изв. II отд. А. Н. 1907, т. XII, кн. 2, стр. 304). Но, опровергнув взгляд И. М. Снегирева, Н. М. Петровский, вслед за С. К. Буличем (Очерк истории языкознания в России, СПб., 1904, т. I, стр. 284—285), оставляет вопрос об авторе статьи открытым.

Между тем, автора можно определить безошибочно; это М. М. Херасков. За принадлежность ему статьи говорит: 1) наличие в ней фразы, деликом перенесенной из неопубликованного на русском языке «Рассуждения о российском стихотворстве», напечатанного в качестве предисловия к французскому и немецкому переводам «Чесменского боя».

О письменах.

Каковы бы ни были оные священных книг переводы, но то истинно, что в самое то время, когда все почти Европейские народы на чужих языках богослужение отправляли, Россияне уже на природном своем языке, установив церковные обряды, прославляли бога, и пение к небесам воссылали (стр. 58).

До своего переезда в Петербург, М. М. Херасков был некоторое время директором Синодальной типографии, или, как она иначе называлась, Московского печатного двора.²

Переехав в 1775 г. снова на жительство в Москву, М. М. Херасков сохраняет близкие отношения с Н. И. Новиковым и принимает, хотя и анонимно, участие в новиковском «Утреннем свете». Два стихотворения его были помещены в этом журнале, на что в свое время указали Л. Н. Майков³ и Н. М. Петровский.⁴

¹ Даю этот отрывок «Discours'a» в своем переводе, полностью помещенном в «Литературном наследстве», 1933, № 9—10, «XVIII в.», стр. 291: «Книги, святым стихотворством наполненные, были предлагаемы на язык российский; и во время, когда Европы большая часть славословила бога и обеты ему на языке чужестранном возносила, россияне уже пели песнопения церковные на своем языке». Кстати, пользуюсь здесь случаем уточнить указанную статью: перевод «Discour'a» на французский язык был сделан М. В. Храповицкой-Сушковой. (Паут. Книга третья, М., 1854, стр. 128).

² Соловьев, А. Н. Московский печатный двор, М., 1917, стр. 38. Здесь не указаны годы директорства Хераскова. Говоря о цветущем состоянии Синодальной типографии при Елизавете, А. Н. Соловьев сообщает: «Во главе ее [типографии] некоторое время стоял известный писатель, поэт М. М. Херасков». Надо полагать, что это было около 1755—1760 гг., так как в начале 1760-х годов директором Синодальной типографии был Юрьев (см. Месяцеслов на 1765 год с росписью чиновных особ в государстве, Спб., 1765).

³ Очерки по истории русской литературы XVII и XVIII вв. Спб., 1889, стр. 410.

⁴ Библиографические заметки о русских журналах XVIII в. Изв. II отд. А. Н., 1907, т. XII, кн. 2, стр. 303.

Статья «О писменах Славенороссийских» свидетельствует о более активном участии Хераскова в «Утреннем свете», заключительными словами давая основания предполагать о вхождении М. М. Хераскова в состав редакции журнала.

IV. „ЛИХОИМЕЦ“, КОМЕДИЯ В. И. БИБИКОВА

В литературно-театральных кругах 60—70-х годов XVIII в. Вас. Ильич Бибилов (1740—1787) играл видную роль, занимая в то же время заметное место в придворном круге.

Принадлежа в царствовании Елизаветы и Петра III к «партии великой княгини», Бибилов, в то время инженерного корпуса капитан-поручик, принимает участие в дворцовом перевороте 28 июня 1762 г. и сопровождает будущую императрицу из Петергофа в Петербург.¹ Екатерина не забыла Бибилова среди прочих пособников восшествия ее на престол, произвела его в камер-юнкеры² и вообще приблизила ко двору; имя Бибилова постоянно встречается на страницах камер-фурьерских журналов екатерининской эпохи, представляющих поденную придворную летопись.³ Довольно часто встречается имя Бибилова и в материалах по истории русского театра начала 60-х годов XVIII в. Он участвовал в так называемых «кавалерских» или «дворянских» комедиях, дававшихся на большом придворном театре. Семен Порошин, наставник Павла, отмечает в своих «Записках» под 6 февраля 1765 г.: «Для пубрики на сей неделе нижеследующие были увеселения. Сего числа (т. е. 6 февраля) ввечеру была на большом придворном театре дворянская комедия: «Мнением больной».⁴ Входили по билетам. Действующие лица были: Арган — Иван Иванович Кропотов; Бералд — г. Титов, офицер гвардии; Диафорий — Александр Андренч Волков; Фома Диафорий — Василий Ильич Бибилов; Доктор Пургюн — Волков меньший;

¹ Русский архив, 1870, стб. 966.

² Камер-фурьерский журнал 1762, стр. 112.

³ О Бибилове см. Алфавитный указатель к камер-фурьерским, походным, банкетным и церомониальным журналам 1695—1774, СПб., 1910, стр. 140—141.

⁴ Перевод мольеровского «Le malade imaginaire», сделанный Александром Волковым. Ср. Всеволодский. Гернгросс, В. Н. Библиографический и хронический указатель по истории театра в России в XVII и XVIII вв. (Сборник Историко-театральной секции. Пгр., 1918, стр. 12 особой — восьмой — пагинации).

Аптекарь — меньшей Бибиков. Женские роли все играли сестры Василия Ильича Бибикова, выключая дочь Аргантову, которую представляла какая-то девушка Ушакова. Балет был «Ацис и Галатей». Танцевали всё фрейлины и кавалеры... Маленькая пьеса была: «Филантроп». Филантроп был Титов; жена его жену Филантропову представляла; кучера Александр Волков играл очень хорошо».¹ Под 9 февраля того же года Порошин отмечает: «Вечеру выше помянутая ж дворянская комедия и теми же лицами была представлена. Балет был тот же и маленькая пьеса та же».²

Наконец, в тех же «Записках» под 13 февраля 1765 г. сообщается: «С кургагу пошли в театр. Входили все по билетам... Была трагедия (русская) «Синав и Трувор». Играли благородные: Синав — Иван Иванович Кропотов; Трувор — Петр Иванович Мелиссино; Гостомысл — господин Титов; Ильмена — жена госп. Титова; очень хорошо играла. Вестник — Василий Ильич Бибиков. Паж — артиллерийский кадет. Балет был прежний же «Ацис и Галатей». Маленькая пьеса была «Пустомеля», сочинения господина Лукина. Роль пустомели играл Василий Ильич Бибиков».³

Об участии В. И. Бибикова в «русской комедии» упоминает под 25 января 1766 г. и камер-фурьерский журнал.⁴

Если всмотреться в список участников «дворянской» комедии, о которой сообщает Порошин, то окажется, что это в большинстве литературно-театральные деятели начала 60-х годов XVIII в., переводчики Мольера, де-Туша и др. французских комических авторов — Кропотов, Титов, А. А. Волков; даже П. И. Мелиссино, начинавший с Сумароковым «кадетские» спектакли в конце 40-х годов, принимает участие в театральных забавах второго поколения придворных театралов. Любопытно, что во «Мнимом больном» участвуют, кроме В. И. Бибикова, еще его младший брат и две сестры, что показывает степень театральных интересов семьи Бибиковых.⁵

¹ Семна Порошина Записки. Изд. 2. СПб., 1881, стб. 254.

² Там же.

³ Там же, стр. 256.

⁴ Камер-фурьерский журнал 1766, стр. 18—19.

⁵ Я. Штелин в своей статье «Zur Geschichte des Theaters in Russland» (Haigold's Beylagen zum neueränderten Russland, Riga und Mietau, 1769, V. I. S. 424), несколько подробнее и расходясь в деталях с Порошиным, говорит об этом кавалерском спектакле, отмечая среди игравших трех сестер Бибиковых, «из которых младшая, по его словам в возрасте 9—10 лет, совсем

Повидимому, В. И. Бибиков выделялся своей игрой среди придворных театралов; может быть, он был даже режиссером «дворянских» спектаклей. Во всяком случае, несомненно, в связи с этим, а также и вообще с его придворным положением, находится назначение его 12 декабря 1765 г. директором русского театра. В «Указе нашей придворной конторе» Екатерина предлагала Бибикову «иметь Дирекцию над Российским театром и всему, что до оного принадлежит быть в его ведомстве».¹ В 1779 г., после увольнения директора императорских театров И. П. Елагина, В. И. Бибиков назначается его преемником,² но в 1783 г. из-за каких-то неполадков в отчетности он увольняется от этой должности,³ хотя через два с половиной года ему Российский театр вновь «поручен в попечение».⁴

Однако для истории русской литературы и театра представляет интерес не его любительская и административно-театральная деятельность, а литературная. А. А. Волков в своем известном «*Nachricht von einigen russischen Schriftstellern*» (1768), говорит, что «два года тому назад Бибиков написал комедию в пяти действиях, под названием Лихоимец, то есть судья, который вымогает деньги у бедных просителей. Сразу очевидно (*Man wird bald gewahr*), что сюжетом комедии послужило личное приключение (*eine persönliche Geschichte*), и это и расположило публику в пользу пьесы. Есть надежда увидеть вскоре и другие комедии его».⁵ Таким образом, надо полагать, комедия Бибикова была написана в конце 1765 или начале 1766 г. Возможно, что русская комедия, о которой упоминает под 25 января 1766 г. камер-фурьерский журнал, и была первая постановка «Лихоимца». Во всяком случае, Н. И. Новиков свидетельствует в своем «Опыте исторического словаря о российских писателях» в 1772 г., что

отлично (*gar vortrefflich*) сыграла роль дочери *Malade imaginaire*. В русском переводе статьи Штелина (СПб. Вестник, 1779, сентябрь, стр. 170. Статья Штелина перепечатана также в «Музыкальной старине» под ред. Н. Н. Финдейзена, СПб., 1907, вып. III и IV, стр. 4—25) это место опущено.

¹ Архив Дирекции императорских театров. СПб., 1892, вып. I, отд. II, Документы, стр. 84, № 92.

² Там же, № 112, стр. 103; указ 21 мая 1779 г.

³ Там же, стр. 118, № 131; указ 17 июля 1783 г.

⁴ Там же, стр. 306, № 292; указ 14 февраля 1786 г.

⁵ Ефремов, П. А. Материалы для истории русской литературы, СПб., 1867, стр. 156—157; перевод М. Л. Михайлова, см. там же на стр. 140; выше дан новый перевод, более близкий к подлиннику.

комедия Бибикова «многочисленно на придворном российском театре была представлена с успехом и всегда принимана с особливою похвалою; но она еще не напечатана».¹ «Впрочем, — продолжает Новиков, — надлежит засвидетельствовать справедливую похвалу сочинителю сей комедии: ибо он, держась театральных правил, сочинил ее точно в наших нравах; характеры всех лиц его комедии выдержаны порядочно и свойственно их подлинникам; завязка и предложение естественны и кажущиеся подлинными, и игры довольно; наконец, сказать должно, что комедия сия почитается за одну из лучших в российском театре».²

Характеристика Новикова чрезвычайно любопытна. Ставя комедию Бибикова очень высоко и называя ее одной из лучших в российском театре, автор «Опыта исторического словаря» всячески подчеркивает ее реалистичность, близость к жизни и естественность ее содержания. Он указывает, что пьеса сценична («держась театральных правил» . . . «игры довольно»), но, вместе с тем, настойчиво выдвигает момент «подлинного». В особенности останавливает внимание фраза: «Характеры всех лиц его комедии выдержаны порядочно и свойственно их подлинникам». Если вспомнить сказанное А. А. Волковым о «личном приключении» (*eine persönliche Geschichte*), легшем в основу комедии Бибикова, слова Новикова, приведенные только что, можно понять в том смысле, что персонажи «Лихоимца» были до известной степени портреты, то-есть, что пьеса имела несколько памфлетный характер.

К сожалению, источники XVIII в. ничего больше не сообщают о «Лихоимце». Не дает о нем никаких сведений и «Драматический словарь» 1787 г.;³ даже м. Евгений в своем «Словаре русских светских писателей» только повторяет данные Новикова. Текст комедии до нас не дошел; по крайней мере, ни в одном из известных книго- и архивохранилищ «Лихоимца» нет. Новиков, как видно из приведенной выше цитаты, указывал в 1772 г., что комедия Бибикова еще не напечатана.

¹ Ефремов, П. А. Материалы, стр. 15. Впрочем, в «Архиве Дирекции императорских театров» в перечне пьес, составлявших репертуар «Российского театра» 1746--1803, «Лихоимец» отсутствует вовсе.

² Там же.

³ Не сохранилось никаких следов о пьесе Бибикова и в Архиве Дирекции 6. императорских театров (Архив русской драмы).

Однако есть основания предполагать, что сведения Новикова были не вполне точны. Дело в том, что в то время как русские источники не сохранили, кроме приведенных, никаких иных сведений о комедии Бибикова, неожиданный материал о «Лихоимце» доставляет один французский источник.

В *Gazette universelle de littérature. Aux Deux Ponts* (Année 1770. Nr. XLVI, pp. 366, col. α — 367, col. β) вообще, повидимому, интересовавшейся вопросами русской литературы и театра,¹ в отделе Théâtre была помещена следующая рецензия,² пополняющая наши сведения о пьесе Бибикова:

Théâtre. Lichoïmetz, etc. Le Juge avare. Comédie en trois actes, par M. Wasel de Bibikoff, Chambellan de S. M. I. et Directeur du Théâtre national. A Pétersbourg, in—8. (Лихоимец, и т. д. Скупой судья. Комедия в трех действиях. Василия Бибикова камер-юнкера е. и. в. и директора национального театра. Петербург, в восьмую долю листа).

«Русские не ограничиваются тем, что обогащают свой театр лучшими пьесами французского, английского, немецкого и итальянского репертуара; у них существует также несколько пьес оригинальных, в которых мы встречаем старинную веселость, забавлявшую нас некогда во Франции и сейчас уступающую место чудовищным ужасам английских подмостков... Комедия, заглавие которой выписано выше, исполнена остроумия, но не вполне правильно построена (peu régulière). В ней изображается корыстный судья, берущий деньги у несчастных бедняков, обращающихся к нему за защитой от несправедливостей.

«У него есть сын, который обзавелся своим домом и вследствие этого живет отдельно от отца. Среди имущества, предоставленного судьей сыну, наибольшая часть обременена серьезной тягой, дряхлеющей с давних пор; исход процесса сомнителен, и по этой-то причине судья и отступился от него. После передачи этого имущества судья получил повышение по должности и был назначен председателем высшей судебной инстанции, именно той, где должен был разбираться процесс, грозивший разорением его сыну.

¹ В майской книжке журнала *Esprit des journaux* за 1776 г. (pp. 227—234) была помещена статья «*Essai sur l'ancien théâtre russe*», перепечатанная из «*Gazette universelle de littérature*». Самой *Gazette* в ленинградских и московских книгохранилищах нет, и ознакомиться с ней de visu мне не пришлось.

² Французский текст рецензии был доставлен мне через любезное посредство проф. А. А. Мазона, которому выражаю глубокую признательность.

«Молодой человек, вынужденный в это время отправиться в путешествие, оставил доверенность одному из своих друзей, заклятому врагу его соперников. Этот друг, восхищенный представляющейся возможностью преследовать своих врагов, ведет дело от своего имени. Видя его пыл, судья не сомневается в том, что тот купил именье у его сына, чтобы иметь удовольствие судиться со своими противниками. Это убеждение его утешает, ему было бы неприятно, если бы пришлось осудить сына. Успокоившись на этом, он предполагает извлечь от тяжущихся возможно больше выгоды. Следует несколько забавных сцен с челобитчиками; к нему подсылают красивых женщин, но судья остается неподкушим. Ему намеками сулят деньги, и он как-будто становится более доступным. В свою очередь является к нему друг его сына, чтобы просить его о деле. Он не скрывает, что является подставным лицом, надеясь этим расположить судью в свою пользу. Но тот отказывается верить этому, не желая упустить обычных подарков; он воображает даже, что это не что иное, как уловка со стороны нового владельца. Производится следствие, из которого явствует, что противники сына судьи неправы. Судье досадно, что он теряет имущество, которое было столь верно и которое его сын продал. Истцы, которых закон должен осудить, снова являются, чтобы воздействовать на судью, и предлагают ему четверть всего имения, если дело будет решено в их пользу. Этот посул соблазняет его, но прежде чем окончательно принять решение, он хочет посоветоваться с другом своего сына, то есть, попытать, не даст ли ему тот чего-либо; здесь происходит другая, очень забавная сцена благодаря тому, что он стесняется сказать этому молодому человеку, что может обеспечить ему выигрыш процесса. Его не понимают, и чтобы не скомпрометировать себя, слишком открывая свои карты, он решает дело в пользу первых. Его приговор делает их владельцами спорного имущества и присуждает захватчика к оплате всех издержек, а в случае его несостоятельности возлагает оплату на его семью. К своему великому изумлению, судья видит, как к нему являются пристава с требованием об уплате издержек, так как его сын неплатежеспособен. Он в отчаянии, что не поверил другу своего сына, но уже слишком поздно. Он наказан за свое корыстолюбие.

«Эта пьеса пользуется большим успехом в Петербурге; она построена на истинном происшествии, которое имело место не-

давно и которое все еще помнили. Нет сомнения, что это содействовало ее успеху. Автор очевидно знает истинные источники комического, и если он будет работать дальше и будет выбирать сюжеты еще более удачно, он может надеяться, что добьется славы на избранном поприще».

Приведенная рецензия, написанная, очевидно, французом (ср. в начале: «старинная веселость, составлявшая некогда наше наслаждение во Франции...»), раскрывает таким образом, содержание комедии Бибикова и вновь подчеркивает реальный источник ее сюжета; однако при нынешнем состоянии наших знаний о XVIII в. невозможно сейчас установить, кто были живые участники той *persönliche Geschichte*, на которой построен «Лихоимец».

Останавливают наше внимание некоторые мелочи: и Волков и вслед за ним Новиков указывают, что пьеса Бибикова была в 5 актах; рецензия говорит только о трех. Впрочем, возможно, что в статье Волкова имела место опечатка, так как в ней число актов указано цифрой, а не буквами. Затем рецензия указывает, что «Лихоимец» напечатан в Петербурге в осьмую долю листа (in—8), тогда как Волков ничего не говорит о ее напечатании, а Новиков даже отмечает, что она еще не напечатана. Можно предположить, что она все же была напечатана, либо в небольшом тираже для очень узкого круга лиц, либо была уничтожена осмеянными в ней сановниками.

Так как Бибиков принадлежал к «партии Екатерины», можно полагать, что «Лихоимцем» был кто-либо из группы приверженцев Елизаветы или Петра III; вероятно, это был какой-либо сенатор, кто именно — установить едва ли возможно. Впрочем, «личный» момент в комедии Бибикова сейчас не представляет никакого интереса; гораздо важнее отметить реалистический характер «Лихоимца», на полтора десятка лет предвосхитившего реализм фонвизинского «Недоросля» (1782).